№ 49. Томъ II. На годъ, съ доставкою и пересылкою — 7 руб.; на полгода — 4 руб.; на 3 мѣсяц. — 2 руб. Отдѣльн. №№ по 20 к. С.-Петербургъ, 8 Декабря 1879 года. *Адресъ конторы редакціи:* С.-П.-бургъ, Новая улица, домъ № 6. Годъ VII.

ОБЪЯВЛЕНІЕ

ОБЪ ИЗДАНІИ ЖУРНАЛА „ЖИВОПИСНОЕ ОБОЗРѢНІЕ"

въ 1880 году.

Журналъ будетъ издаваться по той же програмѣ. Въ распоряженіи редакціи для помѣщенія въ 1880 г. имѣются слѣдующія произведенія: «Чужіе грѣхи», романъ **А. Михайлова** (въ отдѣльномъ приложеніи); романъ **Н. И. Северина;** стихотворный разсказъ въ трехъ частяхъ «Въ морѣ житейскомъ» **Б. Левина** (съ иллюстраціями); Стефенъ Митчель, американскій романъ (съ иллюстраціями); романъ **Гонкура;** «Изъ міра русскаго искуства», рядъ статей **Диллетанта;** Пляски и танцы на Руси, историко-біологическіе очерки **Вл. Михневича;** Іезуиты и инквизиція **П. Скромнаго;** «Народы европейской Россіи» **С. С. Шашкова;** рядъ очерковъ изъ американской жизни **Н. В. Шелгунова;** ст. **И. Ф. Василевскаго** (Буквы) и др.

Въ первыхъ нумерахъ будутъ напечатаны:

1) Повѣсть **П. Д. Боборыкина;** 2) Очерки изъ жизни въ средне-азіятскихъ пустыняхъ (иллюстрированные самимъ авторомъ) **Н. Н. Каразина.**

Первый листъ романа **А. Михайлова** въ отдѣльномъ приложеніи будетъ разосланъ гг. подписчикамъ при 3 мъ № журнала.

Въ свое время будутъ помѣщены спеціально сдѣланные для «Живописнаго Обозрѣнія» извѣстнымъ нашимъ художникомъ **И. Н. Крамскимъ** иллюстраціи къ произведеніямъ А. С. Пушкина.

Въ художественномъ отдѣлѣ въ 1880 году будутъ помѣщены гравюры съ картинъ извѣстныхъ русскихъ художниковъ: гг. **Богданова, Боголюбова, Боткина, Брюлова, Верещагина, Зичи, Крамского, Маковскаго, Мещерскаго, Мясоѣдова, Орловскаго, Семирадскаго, Шварца, Харламова, Якобія** и др. Кромѣ того появится «Альбомъ русской охоты», состоящій изъ ряда картинъ, рисованныхъ знатокомъ этого дѣла, извѣстнымъ художникомъ, г. **Петромъ Соколовымъ.**

ПРЕМІИ: Первая и вторая: двѣ олеографическія картины—«Малороссіянки», **К. Е. Маковскаго** и «На перевязочный пунктъ», профессора **Ковалевскаго,**—картины, оригиналы которыхъ составляютъ собственность Редакціи и потому не могутъ появиться ни въ какихъ копіяхъ въ продажѣ. Образцы этихъ двухъ премій уже выставлены въ Главной конторѣ редакціи въ С.-Петербургѣ и вскорѣ будутъ выставлены въ мѣстныхъ конторахъ, поименованныхъ въ этомъ объявленіи, точно такъ же, какъ и образцы **третьей преміи,** которую составляетъ **большая гравюра** на веленевой бумагѣ съ картины геніальнаго русскаго художника **А. Иванова,** «Явленіе Христа народу», хорошихъ копій съ которой до сихъ поръ еще не появлялось въ Россіи. Затѣмъ **четвертой преміей** будетъ выдана **литературная премія,** съ иллюстраціями. Эти преміи выдадутся всѣмъ гг. подписчикамъ, внесшимъ полную годовую плату за изданіе: художественныя—не позже марта мѣсяца, а литературная въ ноябрѣ.

Редакція вошла въ соглашеніе съ извѣстными иностранными издателями олеографическихъ картинъ и съ фотографіей г. Каррика въ С.-Петербургѣ объ уступкѣ гг. подписчикамъ на «Живописное Обозрѣніе» по уменьшенной цѣнѣ изданныхъ этими фирмами олеографическихъ картинъ и фотографическихъ снимковъ съ картинъ извѣстныхъ русскихъ художниковъ. Каталогъ этихъ картинъ и снимковъ помѣщенъ въ концѣ настоящаго нумера:

Редакціей журнала вмѣстѣ съ нижеподписавшимся завѣдуетъ **А. К. Шеллеръ (А. Михайловъ).**

	На годъ.	На полгода.
Цѣна журнала безъ доставки и пересылки........................	**6** р.	**3** р. **50** к.
» » съ доставкой и пересылкой........................	**7** р.	**4** р.

Войдя въ сношеніе съ единственнымъ въ Россіи магазиномъ «Парижскихъ моделей и выкроекъ модъ», Редакція можетъ предложить гг. подписчикамъ, которые этого пожелаютъ, въ дополненіе къ получаемому ими отдѣлу «Модъ», **шесть** выкроекъ въ натуральную величину; пожелавшіе получать эти выкройки приплачиваютъ къ годовой подписной суммѣ **60** копѣекъ. Описаніе этихъ выкроекъ можно найти въ объявленіи отъ «Магазина парижскихъ моделей и выкроекъ модъ», помѣщенномъ въ № 45 «Жив. Об».

Подписка на 1880 годъ открыта и принимается въ Конторѣ Редакціи, **въ С.-Петербургѣ, Новый проспектъ (близь Невскаго проспекта), д. № 6** и въ мѣстныхъ Конторахъ: **въ Москвѣ,** въ книжномъ магазинѣ И. Г. Соловьева, на Страстномъ бульварѣ, д. Алексѣева; **въ Варшавѣ,** въ книжномъ магазинѣ бывшемъ Черкесова, Новый Свѣтъ, д. военнаго министерства; **въ Одессѣ,** въ Южномъ агенствѣ газетъ и журналовъ, на Ланжероновской улицѣ, д. Вагнера.

Н. ШУЛЬГИНЪ.

Улыбка.

Стих. А. Круглова.

Дѣтски-свѣтлую улыбку
Я унесъ твою съ собой,
Чтобы съ нею было легче
Продолжать борьбу съ судьбой.

* * *

Въ мигъ, когда, больной, усталый,
Передъ пошлою молвой
Буду я готовъ склониться
Полурабски головой,—

* * *

Дѣтски-свѣтлая улыбка
Мнѣ напомнитъ о другомъ
Лучшемъ времени,—и гордымъ
Я останусь предъ врагомъ.

* * *

Если сердце, утомяся
Волноваться и страдать,
Не захочетъ дней счастливыхъ
Терпѣливо ожидать,—

* * *

Дѣтски-свѣтлая улыбка
Въ сердце вѣры лучъ прольетъ
И оно на встрѣчу горю
Безбоязненно пойдетъ.

* * *

Преисполнится-ли сердце
Все давящей злобой вдругъ
И покажется противнымъ,
Ненавистнымъ лучшій другъ,—

* * *

Эта милая улыбка
Сердце злобное смиритъ
И въ груди, дышащей мщеньемъ,
Миръ отрадный водворитъ.

* * *

Столько силы чудотворной,
Столько свѣта и огня
Дѣтски-милая улыбка
Заключаетъ для меня,

* * *

Что рѣшился я тихонько
Унести ее съ собой,
Чтобы съ нею было легче
Продолжать борьбу съ судьбой!

Баской.

Этнографическій романъ Л. Симоновой.

(Продолженіе.)

Глава VI.

Исписанный листъ сѣрой, простой бумаги лежалъ на окнѣ передъ Павломъ изъ Забѣгаевки. Самъ «баской», облокотившись на подоконникъ, задумчиво смотрѣлъ на улицу. Мысли его блуждали около только что вынесенной болѣзни, случайно засадившей его въ Каменкѣ. «Не все-ли равно, думалось ему,—гдѣ работать—въ Сибири или здѣсь, на границѣ ея? Былъ-ли бы я тамъ такъ принятъ, какъ здѣсь? Это вопросъ. Человѣкъ, появившійся въ незнакомомъ ему обществѣ, часто возбуждаетъ къ себѣ подозрѣніе и недовѣріе, тоже могло-бы случиться и со мной тамъ, куда я направлялся, а куда я направлялся—и самъ хорошенько не опредѣлилъ. Здѣсь-же случай выдвинулъ мнѣ дѣло на первый планъ, товаръ крестьянамъ, что называется, показался лицомъ и ребятишкамъ отбою нѣтъ. Что-то у каменцевъ сегодня за сходъ будетъ и что они высудятъ? Интересно. Я же знаю только одно, что «отъ добра добра не ищутъ!» Что «счастье наше тамъ, гдѣ любятъ насъ, гдѣ вѣрятъ намъ». Это непреложная истина».

Съ этою мыслью онъ провелъ рукою по лбу и снова схватился за перо. Онъ писалъ между прочимъ: «Я народный учитель, не офиціальный, не поставленный правительствомъ, а доброволецъ, вдругъ вполнѣ сознавшій свое призваніе и понявшій нужду здѣшняго народа въ такихъ добровольцахъ, какъ я. Дать Каменкѣ грамоту, истребить вкоренившіяся суевѣрныя понятія, составляющія чуть не основу всей нравственной жизни каменца, сдѣлать его человѣкомъ воспріимчивымъ, чуткимъ, человѣкомъ, способнымъ жить правильною общественною жизнью и относиться къ ней разумно, сознательно—вотъ что должно составлять конечную цѣль добровольца. Это я все уяснилъ себѣ теперь, послѣ того какъ засѣлъ въ деревнѣ послѣ болѣзни. Отнеслись-ли бы ко мнѣ больному городскіе друзья такъ, какъ отнеслись эти чужіе, далекіе люди. И вотъ я благодаренъ имъ, какъ пригрѣтая собака, я преданъ имъ, полюбилъ ихъ не выдуманною напускною любовью, а всѣми силами души, и готовъ для нихъ, если-бы то было нужно, отдать самого себя. Да и отдаю; я весь уйду въ ихъ интересы, посвящу себя имъ, буду жить для нихъ. И буду считать себя счастливымъ, когда, прослуживъ имъ всѣми помыслами, всѣмъ существомъ своимъ, доведу дѣло до конца, т. е. когда мужикъ познаетъ самого себя, какъ человѣка, съ ясностью и точностью опредѣлитъ свои обязанности, свое личное положеніе въ общемъ механизмѣ общественной жизни.

Теперь каменецъ домашнее терпѣливое животное, внутри котораго, однакожь, гдѣ-то далеко-далеко, точно уголь подъ грудою золы, таится остатки дикаго звѣря. И горе тому, кто осмѣлится бередить его больное мѣсто, ни причины, ни свойства котораго ему неизвѣстны. Горе тому, кто осмѣлится будить въ немъ звѣря. Не какъ на доктора взглянетъ звѣрь на такого смѣльчака, а какъ на своего личнаго врага, причинившаго ему боль своимъ прикосновеніемъ. Припоминаю въ эту минуту тому сотни фактовъ.

Нѣтъ, тутъ нужна работа терпѣливая, послѣдовательная, безъ порываній и скачковъ, безъ всякихъ забѣганій впередъ. А потому я, первый учитель каменскихъ ребятишекъ, такъ сказать, учитель младшаго класса, долженъ осторожно прикасаться къ невѣжеству. Я беру на себя только обученіе грамотѣ и при ней, само-собою разумѣется, обязанность не подрѣзывать или рвать съ корнемъ основы всѣхъ его грубыхъ суевѣрныхъ понятій:—это значило-бы, прикосновеніе къ ранѣ, а мягко, осторожно освѣщать, распутывать хаосъ, посѣянный въ головахъ ребятишекъ ихъ отцами и дѣдами. Изъ всѣхъ моихъ разсказовъ, къ какой-бы отрасли знанія они ни принадлежали, ребята кромѣ разнообразныхъ, необходимыхъ свѣденій будутъ черпать нравственныя начала и при томъ именно въ духѣ и интересахъ религіи и государственнаго строя.

Пусть новыя понятія, новыя свѣденія будутъ такъ полны, такъ захватывающи, чтобы сами собою съ теченіемъ времени могли вытѣснить мракъ и невѣжество. И звѣрь исчезнетъ.

Отецъ, ты понимаешь меня? Ты знаешь мою истерзанную душу. Охъ, какъ тяжело становится порою, когда картина прошлаго вдругъ встанетъ передо мною со всею ясностью и эта женщина, къ которой столько чувствовалось страсти, медленно проплыветъ въ воображеніи такою, какъ... съ помутившимся взоромъ... окровавленная. Ужасно, ужасно! Готовъ закричать о пощадѣ, готовъ самъ кинуться и требовать заслуженной кары».

«Баской» вытеръ холодный потъ, выступившій на лбу, тяжело вздохнулъ и, взявъ перо, продолжалъ писать:

«Но я умеръ для прошлаго. Дѣло сдѣлано! Для всей окружавшей меня среды, для моей карьеры, для того дѣла, къ которому я себя спеціально готовилъ,—пусть остаюсь мертвецомъ. Отнынѣ, благодаря тебѣ, существуетъ крестьянинъ Павелъ изъ Забѣгаевки, крестьянскій учитель, принявшій на себя добровольно тяжелый, трудный путь борьбы съ вѣковымъ невѣжествомъ. И, можетъ-быть, этотъ трудъ, посильная дань общему благу, если не исцѣлитъ, то облегчитъ хоть сколько-нибудь душевную пытку. Нужно только всѣми силами ринуться въ дѣло. А дѣла тутъ много, есть къ чему примѣнить и большія силы. Павелъ изъ Забѣгаевки будетъ являться тамъ, гдѣ онъ наиболѣе нуженъ.

Дорогой отецъ! Если этимъ строкамъ суждено будетъ когда-нибудь дойдти до тебя, то ты утѣшься тѣмъ, что жизнь моя, такъ сказать, украденная, воровски тянущаяся не по той дороги, но какой-бы направило ее правосудіе, не даромъ идетъ. Есть трудъ, цѣль, искупленіе.

Скажи матушкѣ, чистой, святой матушкѣ, что я слезами обливаю ноги ея за причиненное горе. Утѣшь ее, скажи, что сынъ ея не безсемейный бобыль, одиноко скитающійся по свѣту, что онъ сынъ и братъ громадной семьи, связанный съ нею истинною, прочною любовью».

«Баской» бросилъ перо и принялся ходить по избѣ. Лобъ его сильно морщился, глаза были влажны.

— Да, такъ грамота и ничего больше, прошепталъ онъ послѣ нѣкотораго раздумья.—Года три въ какой-нибудь Каменкѣ, тамъ въ Павдѣ, Косѣ и такъ далѣе, и такъ всю жизнь изъ села въ село, изъ деревни въ деревню, вѣчно идя по намѣченному пути, все преслѣдуя одну цѣль. Я или заглушу внутреннія стоны, исцѣлю страдающую душу, или, не вынеся нравственной пытки, самъ себя порѣшу.

На его возбужденное лицо, еще блѣдное, на утомленную фигуру, еще не оправившуюся послѣ болѣзни, часто заглядывалась Фекла, сидѣвшая у другого окна за ткацкимъ станкомъ. Недоумѣвала она сосредоточенности и возбужденію, періодически смѣнявшимся въ немъ.

Много ужасныхъ минутъ пережила она съ «баскимъ» (прозваннымъ теперь такъ всею деревнею) тяжелыхъ минутъ, наводившихъ ее на подозрѣнія и догадки. Были и хорошія мгновенія, возбуждавшія въ ней тѣ чувство радости, то сожалѣніе и горе, даже слезы. То было во время болѣзни «баскова», когда дѣвушка, не отходившая отъ него все свободное время, прислушивалась къ горячечному бреду больного, сначала невольно, потомъ изъ любопытства, а наконецъ, и съ безотчетною для самой себя потребностію.

Въ тѣ дни онъ казался ей то злодѣемъ, то несчастнымъ человѣкомъ, то ангеломъ доброты и кротости. Дѣвушка не пробовала да и не могла бы примирить такія разнорѣчивыя понятія; объ одномъ только она заботилась, чтобы ни словомъ не выдать того, что черпала сама изъ его несвязныхъ словъ и дикихъ картинъ, быстро смѣнявшихся. Праздникъ былъ для Феклы, когда больной однажды послѣ долгаго сна открылъ глаза и сознательно огляделся, а потомъ послѣ первыхъ вопросовъ, сдѣланныхъ съ безпокойствомъ и удивленіемъ, выказалъ ей столько сердечной мягкости, благодарной ласки, сколько она и во всю свою жизнь не видала. «Моя хорошая, моя добрая»—иначе онъ и не называлъ ее съ тѣхъ поръ. И самые эпитеты, и тонъ голоса, которымъ «баской» говорилъ съ ней, ласкали сердце Феклы; объ одномъ только горевала она, что именно съ тѣхъ поръ, какъ послышались эти ласковыя слова, внутренній міръ его для нея закрылся. И вотъ какъ это случилось:

— Сдается мнѣ, что ты не спроста человѣкъ? проговорила Фекла, въ первый разъ какъ они остались одни, часа черезъ два спустя послѣ того, какъ онъ узналъ, гдѣ онъ и среди какихъ людей находится.

— А что? отвѣтилъ онъ вопросомъ и улыбнулся.

Его улыбка придала ей смѣлости. Она наклонилась къ самому его лицу и прошептала что-то

на ухо. Онъ поблѣднѣлъ, быстро отъ нея отодвинулся и проговорилъ недовольнымъ тономъ:

— Откуда тебѣ этакой вздоръ могъ въ голову придти?

— А самъ же ты въ огневкѣ на разные лады да все одно и тоже болталъ.

Она потупилась, покраснѣла и, перебирая пальцами рубчикъ передника, продолжала:

— Да и рѣчь-то у тебя не хресьянская, а господская.

— Послушай! заговорилъ онъ, весь вспыхнувъ и приподнявшись на локоть,—я сирота, проживалъ въ барскомъ домѣ, обученъ грамотѣ, а такой-же крестьянинъ, какъ и ты. Неужто можно вѣрить тому, что въ бреду говорится?

Она зорко оглядѣла его. Лицо его не было спокойно, волненіе слышалось и въ голосѣ.

— А что другіе про меня говорили? И кому ты свои мысли обо мнѣ повѣряла?

— Другіе ничего, не домекались, говорили, что не суразый вздоръ мелешь. Кои смѣялись, кои крестились. Имъ ни къ чему было, они не сидѣли съ тобой такъ-то, какъ я. А мыслей моихъ я никому, ни одной душѣ не сказывала, боялась, пошто-то шибко жалѣла тебя и берегла. И теперь жалѣю, добавила она въ волненіи,— вотъ-те Христосъ.

Онъ совершенно успокоился и легъ на подушку, придвинувшись къ дѣвушкѣ и заглядывая въ ея очи.

— Ты спасительница моя, проговорилъ онъ ласково, — насколько помню я, и во время болѣзни никого другого около себя не видѣлъ. Вѣдь не все же я въ безпамятствѣ былъ, многое теперь вспоминаю. Все ты же да ты. Ты спасла отъ смерти, ты и отъ славы худой сберегла. Спасибо!

Дѣвушка вдругъ представилась ему такимъ идеаломъ благородства и самопожертвованія, что, не отдавая себѣ отчета, точно еще подъ вліяніемъ горячечнаго бреда, онъ схватилъ ея руки и горячо поцѣловалъ. Она, не понимая его порыва, просто и нѣсколько удивленно взглянула на него.

— Я тебя никогда не забуду, гдѣ бы ни пришлось быть, всегда буду помнить, какія хорошія, добрыя дѣвушки въ нашемъ крестьянскомъ быту бываютъ.

— А то, что ты мнѣ говоришь, правда? перебила она его съ сомнѣніемъ въ голосѣ,—ты Павелъ изъ Забѣгаевки, крестьянскій сынъ, сирота, о томъ, что бредилъ ничего не знаешь, не вѣдаешь?

— Правда.

— Побожись!

— Вотъ-те Христосъ! повторилъ онъ ея же клятву.

— Погляди на образъ!

Онъ посмотрѣлъ равнодушно на темный ликъ Николая Чудотворца и улыбнулся.

— Ну, теперь ладно! проговорила она и отошла заводить квашню.

— Смотри же больше объ этомъ ни со мной, ни съ другими ни полъ-слова, попросилъ онъ ласково.

— Неужто въ брошенномъ ворохѣ рыться стану! Плевать на пустякъ!

— Ишь какая ты хорошая, добрая!

Съ этой минуты Феклѣ стало казаться, что она что-то потеряла. Онъ ничего больше о себѣ не говорилъ съ нею, а на ея вопросы о прошломъ отвѣчалъ хоть и ласково, но коротко и неохотно. Хотя она и повѣрила его клятвѣ, а все таки порою чувствовала, что тутъ что-то не ладно и человѣкъ ровно не то говоритъ, что думаетъ.

Долго и теперь Фекла смотрѣла съ недоумѣніемъ на его выразительное лицо и, не будучи въ состояніи удержаться, спросила:

— Что ты опять заметался-то? Лицо у тебя:— то ты ровно передъ собой медвѣдя видишь, то ровно тѣ неслыханные барыши свалились. Оказія!

Онъ расхохотался и, подойдя къ ней, положилъ молча руку на ея плечо.

— Что опять пишешь-то? Поди ребятамъ сказку царапаешь? продолжала она допрашивать.

— Угадала.

— Ужь ты только! покачала она ласково головой. — И то они чуть не со всей деревни къ тебѣ сбѣгаются, и то души въ тебѣ не чаютъ, ни отдыху, ни сроку не даютъ, все бы учились да сказки твои слушали, чего тебѣ еще?

Онъ ничего не отвѣтилъ. Онъ теперь не слушалъ ее, а любовался красивыми глазами Феклы да нѣсколько смущеннымъ лицомъ. Дѣвушка чувствовала, что отъ руки его у ней сначала по плечу, а потомъ и по всему тѣлу разлилась пріятная теплота. Она перестала ткать и, взглянувъ въ самые глаза его, еще болѣе смутилась.

— Не добрые глаза у тебя, не добрая и рука, прошептала Фекла и сбросила его руку съ своего плеча.

«Экое чистое, довѣрчивое созданье», подумалъ онъ и сталъ гладить ея волосы. Дверь скрипнула, въ избу вошла полѣсовщица. Различныя чувства волновали первыя минуты маленькую, черную фигуру пермячки. Но чувство радости при видѣ «баскóва», хотя и нѣсколько похудѣвшимъ, но такимъ же «баскимъ», какимъ онъ и прежде былъ, взяло верхъ надъ всѣмъ остальнымъ. Поздоровавшись съ Феклой и «баскимъ», она объяснила приходъ свой желаніемъ пригласить новаго учителя погостить у нихъ и поучить ихъ сынишку грамотѣ. Павелъ «Баскóй» очень скоро припомнилъ гостепріимный пріютъ въ домикѣ лѣсного стража, тѣмъ болѣе, что съ Сидоромъ видѣлся наканунѣ. Съ полѣсовщицей онъ заговорилъ, какъ старый знакомый. Они сѣли рядомъ на лавкѣ у самаго окна. Бойкая Дарья, привыкшая къ шуткамъ проѣзжихъ гостей, развязно шутила и много хохотала, смущало ее нѣсколько, что собесѣдникъ оставался тихъ и невозмутимъ и что глаза его съ ласкою обращались только къ Феклѣ, на нее же смотрѣли равнодушно. Однако, она рѣшила про себя—«будетъ по моему» и бодрилась.

— Ну, такъ что же, идешь къ намъ, что-ли? почти вскрикнула она и ударила «баскóва» ладонью по колѣну.

— Не могу, нельзя! Тутъ ребятишки со всей деревни собираться будутъ, а ихъ штукъ пятнадцать, какъ же я всѣхъ для одного брошу, отвѣтилъ онъ просто, не подозрѣвая задней мысли Дарьи.—Приводи лучше своего сюда, поговори, порѣши съ сосѣдями, чтобъ на харчи взяли, а я радъ—чѣмъ больше учениковъ, тѣмъ лучше.

— Да врешь ты все! Тебѣ отъ Феклы оторваться не охота. Сидоръ сказывалъ одного здѣшняго Ванюшку учишь, до лѣта хочешь остаться.

— Перво на перво ты Феклу не тронь, ей только кланяться надо, больше ничего, отрѣзалъ «баскóй»,—а во-вторыхъ, продолжалъ онъ, поддѣлываясь къ рѣчи крестьянки,—такъ оно и было, какъ говорилъ Сидоръ, да немножко не такъ. Обязался я учить одного Ванюшку, а не прошло и двухъ дней, какъ въ избу сталъ набираться цѣлый десятокъ дѣтей, сначала изъ любопытства, а потомъ и изъ желанія учиться. Все, что говорилось Ванюшкѣ, слушали и они. Такъ если бы дѣло остановилось и на этомъ и тутъ бы я ихъ не бросилъ для одного, но мы пошли дальше. Ужь съ недѣлю я ребятишкамъ по вечерамъ сказки сказываю, на сказки эти съ похвалъ ребятокъ стали появляться и парни, а вчера два старика да три дѣвки, глазомъ не смигнувши, прослушали, какъ матушку Россію Господь на свѣтъ создалъ. Сегодня еще больше охотятся— народу соберется столько, что едва въ избѣ умѣстимся. Какъ же бы я ихъ всѣхъ за собою къ тебѣ повелъ? Сегодня рано утромъ тѣ же два старика, что вчера сказки слушали, ко мнѣ приходили, просили не уходить лѣтомъ, а остаться до тѣхъ поръ, пока всѣхъ грамотѣ не переучу, пока не перескажу всѣхъ своихъ сказокъ. Просили они не отъ себя, а отъ міра. Сегодня сходъ соберутъ, чтобы обсудить это дѣло сообща да какъ лучше поставить. Видишь, не шуткой пахнетъ, нечего и говорить. Приводи-ка лучше ты своего сынка, помѣсти у кого-нибудь изъ сосѣдей, да сама почаще навѣдывайся, будто сынка спровѣдать, а сама сказки слушать. Тоже передай и Сидору Ивановичу. Онъ улыбнулся и отвелъ ея руку, которою женщина, слушая, обхватила его станъ.

Она тоже весело оскалила свои зубы. Она приглашеніе его слушать сказки поняла по своему.

«Все оно такъ, вѣрно, думала Фекла, продолжая ткать.—Вся деревня охотится отъ мала до велика». И въ глазахъ дѣвушки засвѣтилось чувство безпредѣльной любви и почтенія къ сидящему у окна пришельцу. «Большой человѣкъ, думала она, остановивъ на немъ свой взглядъ,— большой, коли стариками овладѣлъ!»

— Мнѣ-кась тоже не безъ грамоты оставаться, сказала она ему, вся вспыхнувъ.

— Не за мной дѣло! былъ отвѣтъ учителя.

Наступила минута молчанія. Павелъ перекинулъ свое письмо на лавку и, облокотясь на подоконникъ, уставился глазами въ плетень огорода.

«И какъ это все быстро случилось, подумалъ онъ, — такъ же быстро, какъ и этотъ плетень появился изъ подъ снѣга» Мысли его вдругъ обратились къ плетню: онъ вспомнилъ, что въ первое утро послѣ того, какъ всталъ съ постели и началъ ходить по избѣ, у этого окна онъ видѣлъ сплошную бѣлую поляну, а затѣмъ послѣ яркаго, теплаго полудня на полянѣ этой обозначились всего въ дюймъ вышиною какіе-то колышки.— Что это? спросилъ онъ тогда Феклу, предположивъ, что то остатки какойнибудь дѣтской игры.

— А то плетень. Ишь таять почало, отвѣтила ему равнодушно Фекла, взглянувъ вмѣстѣ съ нимъ черезъ стекло.

— Плетень? удивился онъ, еще не имѣя тогда понятія о мѣстныхъ снѣгахъ. И съ тѣхъ поръ съ любопытствомъ наблюдалъ, какъ на мѣстѣ колышковъ появилась рѣшетка, какъ она постепенно росла, пока не превратилась дѣйствительно въ плетень около двухъ аршинъ вышиною. Вспомнилось «баскому» и то, какъ прежде изъ окна избы видны были ноги идущаго мимо, а теперь желающій заглянуть съ улицы въ окно долженъ вскочить на завалинку и вытянуться во весь ростъ.

Въ это время въ избу вошелъ дядя Перфилъ, размашисто перекрестился и сѣлъ рядомъ съ «баскимъ». Лицо старика было озабочено.

— Озимъ-то, почитай, опять пропадетъ, проговорилъ онъ, угрюмо хлопнувъ руками по колѣнамъ.

— А что?

— Да вчера еще такая веселая была, а сегодня ужь не та, вѣрно, почесь морозомъ прихватило! Вотъ все такъ, изъ году въ годъ маемся. Ужо поглядимъ, что яровой скажетъ. Просто хоть не паши да не сѣй. Агафью сусѣдку на полѣ сустрѣлъ, обратился онъ къ дочери,—плачетъ баба горькими. Сама знаешь, немного они за зиму къ лѣту приготовили, чужихъ-то лошадей нанимая, не скопишь. Опять же и мужъ пьяница изъ кабака не выходилъ. Что заработывали, то и пропивалъ. Нѣтъ, говоритъ мнѣ, и сей годъ надежы на хлѣбушко. Брошу, говоритъ, избу да пойду аль къ попу въ работницы, али въ городъ.

Слава Богу, что еще Господь доченьку прибралъ, хоть руки, говоритъ, у меня развязаны.

— А мужъ-то что?

— А мужъ, нѣшто не слыхала, сегодня по утру къ золотоискателямъ нанялся, а деньги—задатокъ—кои въ подати внесъ, кои кабатчикъ за долгъ у него вытянулъ. Ну и осталась баба опять-таки ни съ чѣмъ. Слава-те Господи, что еще дѣтки померши. И, правда, не до нихъ. Эхъ, дабавилъ онъ,— нашему брату зимушкой шибко о лѣтѣ помышлять надо. У меня хоть и до новаго снѣга хлѣбушка запасено, а все же, какъ подумаю, всякой пропитой копѣйки, что зима унесла, жаль. Давай-ка Фекла, обѣдать, круто повернулъ онъ,—видно, старухи-то не дождаться.

— А старуха-то легка на поминѣ, проговорила сама Марфа, появляясь на порогѣ.

— Ну, что? спросили въ одинъ голосъ Перфилъ, Фекла и Павелъ.

— А нѣту-ти, нигдѣ не нашла, видно, ужь Божіе попущеніе, развела руками Марфа.

— Кого искала-то? спросила полѣсовщица.

— А чернушку комолую. Не видала-ли гдѣ дорогой?

Дарья вспомнила видѣнную сцену и передала тотчасъ-же пережитый ею испугъ.

— Такъ и есть. Третьяго дня еще мѣтку положилъ—на загривокъ царапину. А ужь онъ на кого мѣтку положилъ, такъ тому и быть: ее, значитъ, скотинушку рано-ли, поздно-ли, а задеретъ варнакъ, проговорила съ горечью Марфа и тотчасъ же перекрестилась.—Во всемъ власть Господня!

Вся семья, безпокоившаяся два дня о пропавшей чернухѣ, теперь хоть и съ горечью, но вдругъ примирилась съ совершившимся фактомъ, видя въ немъ предопредѣленіе свыше. Только дядя Перфилъ далъ слѣдующее заключеніе:

— Такъ-то такъ, указано медвѣдю скотинушкой нашей кормиться, да и намъ указано его бить. А какъ нашу коровушку сею весною первую задралъ, то намъ первымъ и идти. Станемъ-ка, братъ «баской», лобазъ ставить. «Баскимъ» тебя дѣвки да бабы прозвали, «баскимъ» и вся деревня зоветъ, добавилъ онъ, засмѣявшись.

— И я съ вами, вставила Фекла.

— И ты съ нами, чѣмъ ты у меня супротивъ парней отстала. На лобазѣ-то тебѣ для перваго раза и ладно варнака близко высмотрѣть.

Молодые люди оживились. Перфилъ, «Баской» и Фекла весь обѣдъ протолковали о предстоящей охотѣ.

Дарья, какъ жена полѣсовщика, вездѣ была уважаемая гостья. Выпивъ изрядно браги, она охмѣлѣла нѣсколько и глазъ не спускала съ будущаго учителя своего сына. Онъ казался ей теперь еще привлекательнѣе, чѣмъ прежде: бѣлѣе, нѣжнѣе. Ея порывало цѣловать, обнимать его,—она едва себя сдерживала. Послѣ обѣда случилось, однакоже, что старики вышли, Фекла была занята уборкой посуды и полѣсовщица тотчасъ-же воспользовалась свободными минутами.

— Такъ приходить сказки слушать? проговорила она, въ упоръ смотря на него и подмигивая.

— Конечно, приходить, буде не лѣнь. Вѣдь ходите-же вы на имянины да крестины и дальше этого.

— Ладно, ужь что съ тобой дѣлать-то, стану приходить, шепнула она ему въ самое ухо и вмѣстѣ съ тѣмъ ущипнула за бокъ.

Онъ засмѣялся и отодвинулся, проговоривъ:

— Не тронь, Христа-ради, боюсь я щекотки.

— А, боишься? Такъ вотъ тебѣ, вотъ тебѣ, приговаривала она, дотрогиваясь рукою то до его плеча, то до пояса.

Онъ отскочилъ на другую сторону избы, смѣясь и оглядываясь. Она въ два прыжка догнала его. Ея ужимки, легкость и быстрота движеній снова поразили его: человѣкъ или обезьяна? думалъ онъ, хохоча. Дарья вспрыгнула въ это время на лавку и обхватила его шею руками. Онъ отодвинулся, она повисла на его спинѣ, цѣлуя въ то-же время его щеку и ухо.

Онъ продолжалъ смѣяться, принимая все за ребяческія выходки младенческой, дикой натуры. Дарья-же, наигравшись вволю, пошла домой совершенно счастливая, въ полной увѣренности, что красота ея и любезность неотразимо подѣйствовали на молодого человѣка. Въ Косу она рѣшила не заходить, такъ какъ было поздно и солнце близилось къ закату, Сидору-же намѣрена была сказать, что дорогой передумала и вмѣсто того, чтобы идти къ матери, сходила въ Каменку потолковать объ грамотѣ сынишки. И шла она домой веселая, нисколько не заботясь о послѣдствіяхъ, даже пренебрегая гнѣвомъ Сидора.

А въ Каменкѣ въ тотъ вечеръ сказку «баскòва» о томъ, какъ Христосъ, будучи на землѣ, вѣру людямъ далъ и какъ она появилась въ землѣ русской, слушала чуть не половина деревни. И собравшійся затѣмъ сходъ порѣшилъ: приписать «баскòва» къ ихъ волости (по его желанію) безъ надѣла землею и стараться задержать его въ Каменкѣ года на три, по крайней мѣрѣ. Пищу и одежду общему учителю доставлять общими средствами и для удобства ихъ и его предложить ему переходить по недѣльно изъ избы въ избу со всею ватагою ребятишекъ, никого, такимъ образомъ, не обижая и строго соблюдая очередь. Осенью-же, послѣ полевыхъ работъ, поставить сообща большой срубъ, куда-бы для слушанія сказокъ могла собираться хоть вся деревня. Два раза зимою въ началѣ и концѣ собирать поголовно, опять-таки по мѣрѣ силъ и не обижая учителя, деньги какъ для награды ему, остающемуся безъ жалованья, такъ и для закупки школьныхъ принадлежностей.

Въ тотъ-же вечеръ «баскòй» приписалъ въ своемъ письмѣ: «Ты удивишься, конечно, что подвижная школа устроилась въ самой деревнѣ. Но какъ-бы то ни было, а это естественно, потому что придумано не мною, а устроено ими самими, самимъ обществомъ—міромъ».

(*Продолженіе слѣдуетъ.*)

Послѣ фантовъ.

Стих. А. Круглова.

Быть тебѣ оракуломъ пришлося
И, смѣясь, мнѣ пожелала ты,
Чтобъ на свѣтѣ счастливо жилося,
Что-бъ сбылись завѣтныя мечты.

Ты, шутя, смѣяся, такъ сказала,
Говорю тебѣ я, не шутя:
Въ жизни мнѣ ты счастья пожелала,
Да оно въ твоихъ рукахъ, дитя!

Изъ исторіи романтизма.

Ст. Диллетанта.

(*Продолженіе.*)

VI.

Горячимъ защитникамъ романтизма достаточно было войдти въ залу спектакля за часъ до открытія спектакля; но, благодаря интригамъ враговъ романтизма, двери театра были открыты въ два часа дня, что составляло шесть часовъ ожиданія; враги романтизма думали, что такое продолжительное ожиданіе вызоветъ какую-нибудь свалку или шумъ, что, въ свою очередь, вызоветъ необходимость вмѣшательства полиціи, которая припрячетъ подальше на этотъ вечеръ молодыхъ романтиковъ.

Зала не была освѣщена,—театры темны днемъ и освѣщаются только ночью. Вечеръ—ихъ заря и свѣтъ появляется въ нихъ только тогда, когда небо заволакивается мракомъ. Этотъ контрастъ вполнѣ соотвѣтствуетъ фиктивной жизни театра: въ то время, какъ дѣйствительность работаетъ въ поте лица,—воображеніе спитъ. Смотря на громадную величину темной залы, принимающей необъятные размѣры, благодаря мраку и пустотѣ,—кажется, будто находишься въ центрѣ громаднаго готическаго собора. Все, такъ сказать, плаваетъ во мракѣ, въ который проскальзываютъ черезъ щели или открытыя двери ложъ блѣдные лучи, соперничающіе съ красными блуждающими фонариками служителей, разсѣянныхъ въ этомъ мракѣ не для освѣщенія залы, а для того лишь, чтобъ сдѣлать еще болѣе видимымъ этотъ мракъ. Какой чудесный фонъ для фантастической сказки какого-нибудь Гофмана! Можно себѣ представить ужасъ и удивленіе молодой шайки романтиковъ, хлынувшей, подобно волнѣ, въ темную залу театра.

Они разсѣялись по залѣ и принялись каждый занимать мѣста; на верху по темнымъ угламъ стѣнъ, на заднихъ скамейкахъ галерей, вездѣ, однимъ словомъ, гдѣ могли засѣсть въ засаду клакеры и поклонники Кампострона. Мѣста были прежде неудобны, такъ же, по крайней мѣрѣ, неудобны, какъ и шкафъ, въ который прячется донъ-Карлосъ въ «Эрнани»; но самыя сверныя мѣста были оставлены для самыхъ горячихъ поклонниковъ романтизма, какъ въ сраженіи самые опасные посты занимаются отчаянными храбрецами, съ улыбкой встрѣчающими смерть. Другіе, болѣе благоразумные, размѣстились въ партерѣ подъ наблюденіемъ своихъ начальниковъ, готовые начать атаку на филистимлянъ при первомъ сигналѣ.

Шесть или семь часовъ ожиданія въ полной темнотѣ или во мракѣ залы, люстра которой не зажжена,—слишкомъ тяжелое испытаніе даже въ томъ случаѣ, когда къ концу этой продолжительной ночи должно взойдти ослѣпительное солнце «Эрнани». Начались, конечно, разговоры, сначала робко и боязливо, потомъ шумно и горячо. Нѣкоторые, имѣвшіе счастіе изрѣдка лицезрѣть «учителя» (т. е. Виктора Гюго), имѣли нѣкоторое понятіе о драмѣ, слышали отрывки, заучили нѣсколько стиховъ, которые они тутъ же декламировали, возбуждая всеобщій энтузіазмъ. Тутъ же было провозглашено, что «Эрнани» не въ примѣръ лучше даже самаго «Сида», а Викторъ Гюго представлялся въ видѣ молодого Корнеля, не менѣе гордымъ, но на этотъ разъ прибѣгнувшимъ къ краскамъ Шекспира. Начался споръ о различныхъ названіяхъ, которыя слѣдовало дать новой драмѣ. Нѣкоторые предпочитали названіе: «Трое изъ-за одной», настоящее заглавіе à la Кальдеронъ, названіе рыцарское, совершенно въ испанскомъ и романтическомъ стилѣ; другіе находили болѣе соотвѣтствующимъ заглавіе «Кастильская честь»,—отвѣчающее идеѣ драмы; но большинство съ жаромъ настаивало на простомъ заглавіи «Эрнани» и это мнѣніе, въ концѣ концовъ, было принято.

Тѣмъ не менѣе, голодъ сталъ заявлять свои неотъемлемыя права. Наиболѣе практическіе изъ романтиковъ запаслись шоколадомъ и маленькими хлѣбцами и даже,—proh pudor!—колбасой... съ чеснокомъ, какъ потомъ утверждали злокозненные классики; но, по собраннымъ, достовѣрнымъ свѣдѣніямъ, оказывается, что это не болѣе, какъ клевета классиковъ; романтики утверждаютъ, что чеснокъ—пища по преимуществу классическая, такъ какъ Фестизисъ, какъ извѣстно, поглощаетъ громадное его количество въ «Жнецахъ» Виргилія. Послѣ этого скромнаго

РУССКАЯ ГАЛЕРЕЯ.

РИСУНОКЪ ЗИНОВЬЕВА.

„Бѣжинъ лугъ.“ (И С. Тургенева.)

Рѣзалъ на деревѣ **г. Грачевъ**, въ Петербургѣ.

обѣда романтики приступили къ пѣнію нѣкоторыхъ балладъ Виктора Гюго, потомъ перешли къ шуткамъ и каламбурамъ, затѣмъ стали подражать крикамъ разныхъ животныхъ въ такомъ совершенствѣ, что сторожа «Jardin des Plantes» непремѣнно были бы обмануты. Ко всему этому присоединились всякаго рода непозволительныя и рискованныя шутки; требовались головы нѣкоторыхъ старыхъ классиковъ, декламировали непристойные стихи, въ стилѣ Раблэ, а по отношенію къ Мельпоменѣ молодые романтики позволили себѣ разнаго рода вольности, которыя должны были весьма сильно удивить добрую старую богиню, не привыкшую, чтобы такъ грубо и фамильярно обращались съ ея мраморнымъ неплумомъ.

Между тѣмъ люстра медленно спускалась съ потолка, блестящая и яркая, въ то время, какъ подымалась рампа, обозначая яркую линію между идеальными и реальными мірами. Канделябры зажигались на авансценахъ и зала мало по малу наполнялась зрителями. Двери ложъ открывались и запирались съ шумомъ. На бархатныхъ бортахъ дамы располагали свои бинокли и располагались поудобнѣе, поправляя свои шелковыя платья и развертывая вѣера. Хотя молодыхъ романтиковъ и упрекали въ поклоненіи всякимъ эстетическимъ уродливостямъ, тѣмъ не менѣе они встрѣчали дружными аплодисментами каждую красивую даму, что вызвало, однакожь, всеобщее осужденіе всѣхъ старыхъ и некрасивыхъ матронъ. Встрѣчаемыя аплодисментами прятали свои улыбающіяся личики за букетами.

Кресла и балконъ были переполнены голыми, классическими и академическими черепами... Шумъ приближающейся бури слышался въ залѣ; всѣ съ любопытствомъ ожидали поднятія занавѣса: дѣло, можетъ быть, кончилось бы дракой,— до такой степени классики и романтики были враждебно настроены другъ противъ друга. Наконецъ, раздались три классическихъ удара. Всѣ вздрогнули. Занавѣсъ медленно поднялся и зрители увидѣли въ спальнѣ XVI столѣтія, освѣщенной небольшой лампой, донну Жозефу Дуартэ, старуху въ черномъ платьѣ, юбка которой была украшена стеклярусомъ въ стилѣ временъ Изабеллы Католической; она слушала стукъ въ потаенную дверь любовника, являющагося къ своей возлюбленной:

Serait-ce déjà lui?—C'est bien à l'escalier
Derobé—

И споръ былъ начатъ. Это послѣднее слово (dérobé), отброшенное фамильярно въ другой стихъ; этотъ смѣлый и, можно даже сказать, вызывающій механизмъ стиха казался верхомъ неприличія и глупости классикамъ и въ ихъ лагерѣ,—по преимуществу въ ложахъ и въ креслахъ, послышалось движеніе и ропотъ недовольства...

VII.

Приведенный мною стихъ находится въ самомъ началѣ драмы и своею необычайною смѣлостью сразу обратилъ на себя вниманіе слушателей. Съ первыхъ же словъ и романтическая оргія уже началась! Этого не могли переварить даже самые умѣренные классики; многіе изъ нихъ не были въ принципѣ противъ нѣкоторыхъ благоразумныхъ нововведеній—лишь бы языкъ и граматика не были оскорбляемы на каждомъ шагу, но подобнаго рода вольности должны быть порицаемы, разсуждали классики, каковы бы ни были политическія симпатіи молодого автора. На это романтики, конечно, отвѣчали, что приведенный стихъ не есть небрежность, а скорѣе красота:

C'est bien à l'escalier
Derobé!..

Развѣ это слово—derobé,—отброшенное и какъ бы повисшее, не великолѣпно рисуетъ потаенную лѣстницу, которой спираль скрыта въ стѣнѣ замка? Какое удивительное знаніе архитектурныхъ условій! Какое роскошное пониманіе искусства XVI столѣтія! Какое глубокое пониманіе цѣлой цивилизаціи!

Въ настоящую минуту, когда вся Европа съ давнихъ поръ привыкла считать классическими нововведенія, которыя тогда казались чѣмъ-то ужаснымъ и варварскимъ,—въ настоящую минуту, говорю я, невозможно дать полнаго и точнаго понятія о томъ, какое впечатлѣніе производилъ на слушателей этотъ странный, живописный, могучій стихъ великаго поэта, напоминавшій въ одно и то же время и Корнеля и Шекспира. Для объясненія этого страннаго явленія, необходимо помнить, что въ первыя десятилѣтія XIX вѣка, въ поэзіи и даже въ прозѣ отвращеніе отъ употребленія точныхъ и обыденныхъ выраженій достигло до непонятныхъ для насъ размѣровъ. Въ поэзіи и въ прозѣ все было чинно и галантно; не только выраженія должны были быть изысканы, салонны, но и фраза должна была быть искуственна и условна. Чѣмъ объяснить эту литературную особенность, достигшую крайнихъ предѣловъ у классиковъ послѣдней эпохи? На этотъ вопросъ, въ настоящую минуту едва-ли можетъ быть данъ опредѣленный отвѣтъ. Литературная психологія еще не создана,—вотъ почему возникновеніе, образованіе и утвержденіе извѣстныхъ литературныхъ формъ остается для насъ неразрѣшимой загадкой и можетъ быть разсматриваемо пока только съ точки зрѣнія исторической, въ качествѣ предразсудковъ, которыхъ причины исчезли. Въ данномъ случаѣ любопытнѣе всего то обстоятельство, что смѣлости и тривьяльности романтизма, въ такой значительной степени возмущавшія тогдашнихъ классиковъ, — кажутся намъ такими же условными и искуственными, какими романтикамъ казались чинныя фразы классиковъ. Въ настоящую минуту мы ясно видимъ, что и романтическая школа не лишена была значительной доли условности, хотя и въ другомъ родѣ; противъ этой условности и борятся теперь реалисты съ Зола во главѣ, съ такимъ же ожесточеніемъ, съ такою же узкостью взглядовъ, съ такою же придирчивостью, съ какою боролись романтики противъ классиковъ. Здѣсь, очевидно, существуетъ недоразумѣніе, повторяемое почти съ математической точностью каждой эпохой. Каждая, богатая содержаніемъ и жизнью форма искусства, отвѣчающая стремленіямъ и идеаламъ извѣстной эпохи,—имѣетъ, если можно такъ выразиться, стремленіе кристализоваться, каменѣть; мало по малу она дѣлается господствующей формой, которой обязанъ подчиняться каждый художникъ, если желаетъ, чтобы его произведенія нравились. Такимъ образомъ, случайная и временная форма превращается въ эстетическій законъ, всѣми признанный и кажущійся окончательнымъ. Какъ только подобная форма искусства достигла этой степени, она начинаетъ застывать, каменѣть и то, что прежде казалось и было дѣйствительно красотой, потому что вдохновлялось жизнію, теперь становится бездушнымъ и мертвымъ, потому что за этой внѣшностью нѣтъ уже жизни и содержанія, и остаются только окаменѣлыя формы. Тогда среди молодыхъ художниковъ начинается реакція, сначала робко и случайно, потомъ дружно и систематически. Отрицаніе старыхъ формъ превращается въ положительную естетическую, новую теорію, возникаетъ новая форма искусства, которая въ своемъ развитіи переживаетъ тѣже самые фазисы. Теперь мы переживаемъ именно одну изъ этихъ переходныхъ эпохъ отрицанія старыхъ и возникновенія новыхъ формъ искусства. Въ живописи мы видимъ импрессіонистовъ, отрицающихъ предполагаемую фальшь романтическаго пейзажа и стремящихся уловить быстро проходящія, едва уловимыя впечатлѣнія, навѣваемыя на насъ природой, но уловить ихъ не одиночно и изолировано, а въ общей гармоніи, безъ опредѣленныхъ, выдающихся моментовъ. Историческая живопись переживаетъ такую же метаморфозу: рядомъ съ исканіемъ археологическихъ моментовъ выступаетъ психологическій элементъ не въ одной преобладающей страсти, какъ это дѣлали романтики, а въ стремленіи схватить сложные психическіе моменты также въ гармоніи цѣлаго. Въ другихъ областяхъ искусства мы видимъ тоже самое: въ скульптурномъ жанрѣ, въ сложныхъ, оркестровыхъ эфектахъ музыки, въ реалистическомъ, наконецъ, романѣ. Очевидно, новая форма искусства нарождается, но будетъ-ли эта форма отвѣчать теоретическимъ даннымъ реалистическаго ученія Зола,—это, конечно, вопросъ, подверженный сомнѣнію. Въ двадцатыхъ и тридцатыхъ годахъ, искуство переживало такую же переходную эпоху, которая окончилась полнымъ и всеобщимъ торжествомъ романтизма... Но возвратимся къ представленію «Эрнани».

Когда теперь сидишь въ «Comedie française» на представленіи «Эрнани», слѣдя за игрой актеровъ по старому экземпляру пьесы, на поляхъ котораго обозначены ногтемъ мѣста, вызывавшія тогда шумъ и свистки (я имѣлъ случай видѣть подобный экземпляръ, принадлежавшій нѣкогда Бушарди), то невольно ощущаешь удивленіе, которое никогда не пойметъ настоящее поколѣніе, освобожденное отъ рутинныхъ пріемовъ классиковъ дружными усиліями романтиковъ. Какъ можно, напримѣръ, вообразить себѣ, чтобы стихъ

Est-il minuit?—Minuit bientôt

вызывалъ цѣлыя бури, не прекращавшіяся втеченіи трехъ-четырехъ дней? Классики рѣшительно не могли примириться съ подобнымъ стихомъ, они считали его тривіальнымъ, слишкомъ фамилярнымъ и даже неприличнымъ; король спрашиваетъ который часъ, какъ первый попавшійся буржуа, и ему отвѣчаютъ, какъ отвѣтили бы всякому новичку: полночь! Какой ужасъ! Совершенно другое дѣло, если бы вмѣсто этого короткаго и буржуазнаго: полночь, была бы употреблена красивая, изящная перифраза, въ родѣ слѣдующей, напр.

— l'heure
Atteindra bientôt sa dernière demeure!

это было бы совершенно въ духѣ тогдашняго классицизма.

Если точность выраженія и нѣкоторая простота въ стихѣ шокировали, то еще болѣе шокировали эпитеты, метафоры, сравненія, однимъ словомъ, лиризмъ, который такъ часто встрѣчается у Шекспира, Кальдерона и Гёте и скрашиваетъ, приподымаетъ реалистическую драму. Все это было рѣшительно изгнано у авторовъ «великаго вѣка» до такой степени, что вся литература XVII столѣтія представляетъ только два живописныхъ стиха... Одинъ у Корнеля:

Cette obscure clarté qui tombe des étoiles;

и другой у Мольера:

La campagne à présent n'est pas beaucoup fleurie,—

живописно рисующій чувство мѣщанскаго довольства.

Не смотря на ужасъ, возбуждаемый шайкой Виктора Гюго, разсѣявшейся въ залѣ небольшими отрядами и легко узнаваемой, благодаря эксцентрическимъ костюмамъ и свирѣпымъ физіономіямъ, въ залѣ слышался ропотъ толпы, который такъ же трудно сдержать, какъ шумъ моря. Страсть, возникающая въ толпѣ, всегда обнаруживается; было достаточно бросить бѣглый взглядъ на эту толпу, чтобы убѣдиться, что тутъ дѣло идетъ не о простомъ и обыкновенномъ представленіи, что тутъ лицомъ къ лицу стали двѣ партіи, двѣ арміи, можно даже сказать, двѣ цивилизаціи, страстно ненавидящія другъ друга, жаждущія борьбы и го-

товыя броситься другъ на друга. Кулаки невольно сжимались какъ съ одной, такъ и съ другой стороны, споръ и свалка готовы были вспыхнуть при первой, брошенной искрѣ и не трудно было замѣтить, что первый попавшійся молодой романтикъ съ длинными волосами считалъ того или другого классика съ плешью на головѣ и съ тщательно выбритымъ подбородкомъ просто дуракомъ и считаетъ своею священною обязанностью сказать ему это при первой оказіи.

И въ самомъ дѣлѣ, отъ времени до времени, споры и шумъ, возникающіе поминутно, но сейчасъ же подавляемые, стали обнаруживаться все чаще и чаще при романтическихъ шуткахъ донъ Карлоса, при монологахъ донъ Рюи Гомеза де-Сильва, при нѣкоторыхъ характеристическихъ особенностяхъ мѣстнаго колорита, заимствованныхъ непосредственно изъ средневѣковыхъ испанскихъ романсеро. Тѣмъ не менѣе эта смѣсь простоты и величія, героизма и страсти, одичалости у Эрнани, гомерической болтовни у стараго Сильвы,—обаятельно дѣйствовали на большинство. Новизна и свѣжесть, жизнь—закупали толпу, которая обыкновенно находится внѣ партій и живетъ лишь непосредственными ощущеніями. Тѣмъ не менѣе стихъ, закончивающій дѣйствіе,—

De ta suite—j'en suis,

послужилъ предлогомъ самыхъ нелѣпыхъ насмѣшекъ бритыхъ подбородковъ... Представленіе окончилось при невѣроятномъ шумѣ, рѣдко бывающемъ даже въ парижскихъ бульварныхъ театрахъ, но все-таки торжество Гюго было несомнѣнно и побѣда романтизма была полная.

(*Окончаніе слѣдуетъ.*)

Народы Россіи.

(Этнографическіе очерки.)

Ст. С. С. Шашкова.

(*Продолженіе*).

XIX.

Лопари.

Начнемъ разсказомъ англійскаго путешественника.

«Тромздаль, говоритъ Гуртонъ,—образуетъ огромную дугу между высокими рядами горъ. Дно долины, шириною отъ 700 до 2,000 шаговъ, живописно покрыто кустарникомъ. Надо мной небо было такъ же ясно и такого же голубого цвѣта, какъ въ Италіи. Позади меня входъ въ долину казался замкнутъ высокими, снѣгомъ одѣтыми горами; впереди стлалась длинная зеленая полоса между ослѣпительно бѣлыми стѣнами, потому что на крайнихъ оконечностяхъ полоса эта ограничивалась скалами, покрытыми фантастическими ледниками. Съ сѣрыхъ утесовъ на обѣ стороны прыгали и катились безчисленные мелкіе потоки. На каждыхъ двухъ шагахъ перерѣзывали они дорогу и стремились слиться съ Тромздальэльфомъ. Я уже на 4 или 5 англійскихъ миль углубился въ эту романтическую долину, какъ вдругъ легкій вѣтерокъ донесъ до моего слуха какой-то не лишенный мелодіи звукъ. Вотъ звукъ повторяется, это, вѣроятно, голосъ лапландца, сзывающаго свои стада сѣверныхъ оленей. Я остановился, всмотрѣлся сквозь заслоняющіе видъ кустарники и увидѣлъ тамъ сѣверныхъ оленей всѣхъ величинъ, парами, тройками, дюжинами. Да, это были они, «природные граждане пустыни», соединившіеся для общей жизни и движенія! Посмотрите на ихъ поднимающіеся и опускающіеся рога, на блистающую отъ солнца ихъ пеструю шерсть.

«Въ одно мгновеніе я уже былъ среди нихъ и только тутъ замѣтилъ, что лапландскіе юноша и дѣвушка гнали сѣверныхъ оленей на ночлегъ. У юноши были ясные, веселые, каріе, нѣсколько впалые глаза. Руки его были малы. Его поэскъ (верхняя одежда) состоялъ изъ овчинной шубы шерстью внутрь и спускался до колѣнъ. Сапоги имѣли обыкновенную заостренную форму, доходили на нѣсколько дюймовъ выше щиколотокъ и были сдѣланы изъ толстой, звѣриной кожи.

«На головѣ у него была круглая шерстяная шапочка съ красной кистью и красной шерстяной полоской по краямъ. Такія шапочки очень нравятся лапландцамъ.

«Одежда дѣвушки имѣла подобную же форму, но поэскъ былъ сдѣланъ изъ грубой цвѣтной шерстяной матеріи. Голова не была покрыта и волосы дѣвушки свободно спадали на плечи. Черты лица были мелки, но пріятны, пріятнѣе, чѣмъ когда-либо я видѣлъ у лапландокъ. Цвѣтъ лица, какъ и у всѣхъ лапландцевъ, красновато-желтый. Ноги были обнажены отъ голенища до колѣна и необыкновенно толсты и безобразны. И тотъ, и другая, при помощи 3 собакъ, гнали стадо впередъ. Дѣвушка на спинѣ несла большой холстинный мѣшокъ, который она походя наполняла исландскимъ мохомъ, любимою пищею сѣверныхъ оленей. Лѣтомъ этотъ лишай коротокъ, зимой длиненъ. Подойдя къ болотистому мѣсту, я сорвалъ росшій тамъ особенно длинный и узкій злакъ и спросилъ лапландцевъ, не это-ли растеніе кладутъ они въ сапоги вмѣсто чулокъ, что оба и подтвердили. Это была осока-рѣзунъ (Carex vesicaria), которою лапландцы во всякое время года обвертываютъ себѣ ноги и тѣмъ сохраняютъ ихъ отъ наминокъ и морозовъ. Мы шли впередъ, загоняя стадо, занятіе, въ которомъ я съ удовольствіемъ принялъ участіе. Время отъ времени, лапландцы покрикивали на сѣверныхъ оленей, чтобы подгонять ихъ, я тоже, къ очевидному удовольствію моихъ новыхъ друзей, изо всей мочи прокричалъ сильное, британское hallo. Вся сцена была очень жива и весела. Яркое солнце, веселая зелень, новость, все соединилось, чтобъ сдѣлать эту прогулку самою пріятною, какую я когда-либо дѣлалъ.

«Меня менѣе поразилъ особый шумъ отъ копытъ сѣверныхъ оленей, чѣмъ я того ожидалъ. Сотни оленей стучали копытами, задѣвая ими другъ объ друга, и все-таки я бы едва замѣтилъ этотъ стукъ, если бы не обратилъ на него особаго вниманія. Напротивъ, очень поразителенъ храпъ оленей. Стадо линяло, мѣняя зимнюю шерсть, которая вслѣдствіе этого имѣла нѣсколько плѣшивый и обдерганный видъ. У прекраснаго передового оленя, вожака стада, на шеѣ висѣлъ колокольчикъ. Забывшись, можно было подумать, что находишься въ Швейцаріи.

«Наконецъ, мы подошли къ лагерю лапландцевъ, который состоялъ изъ двухъ гаммъ (лѣтняя хижина), какого-то навѣса на столбахъ и изгороди для сѣверныхъ оленей. Сюда загнали стадо и скоро цѣлое общество лапландцевъ вышло изъ хижины со всѣми нужными для доенья снарядами: длинныя петли изъ кожи сѣверныхъ оленей или изъ пеньковыхъ веревокъ для привязыванія животнаго и безобразныя деревянныя посудины для молока. Мое вниманіе обратилось на какой-то предметъ, лежавшій на высокой травѣ около загороди—это была колыбель ребенка. Она искусно была сдѣлана изъ шкуры сѣвернаго оленя и имѣла форму огромнаго башмака съ высокимъ задкомъ и загнутымъ вверхъ носкомъ. Мнѣ тотчасъ же припомнились колыбели сѣверо-американскихъ индійцевъ изъ древесной коры, которую мать точно также можетъ носить на спинѣ, вѣшать въ хижинѣ или на дерево, на высотѣ, гдѣ не достать ребенка ни бродящимъ волкамъ, ни голоднымъ собакамъ. Отъ головной оконечности колыбели висѣлъ кусокъ грубой, красной шерстяной матеріи, которая вокругъ ребенка была такъ крѣпко запихана, что младенецъ едва не задыхался подъ ней, почти не имѣя возможности двигаться. Это герметическое закутываніе принесло, какъ я скоро замѣтилъ, свою пользу, ибо на ткань сѣла огромная муха, которая, казалось, очень охотно пососала бы крови невиннаго существа. Здѣсь сошлось до 40 лапландцевъ, которые всѣ были одѣты какъ мои проводники. На женщинахъ были кожаные пояса, обсаженные свѣтлыми мѣдными бляхами, составляющими гордость прекраснаго пола. На простомъ поясѣ мужчинъ висѣлъ ножъ въ ножнахъ. Это было собраніе карликовъ, всѣ мужчины, казалось мнѣ, были ниже 5 футовъ, а женщины еще гораздо меньше. Однакоже, большинство лапландцевъ имѣетъ очень крѣпкое тѣлосложеніе и объемъ грудной клѣтки не многимъ развѣ уступалъ всему росту. По ровной мѣстности походка ихъ была невыразимо неловка; тѣмъ не менѣе они весьма ловко управляются со всѣмъ, что нужно для ихъ простой жизни. Физіономіи ихъ вообще выражали глупость, мелкую хитрость и упрямство, которое рѣшительно доходило до отвратительности.

«Я, разумѣется, сдѣлался предметомъ любопытства и замѣтилъ по нѣсколькимъ недовѣрчивымъ взглядамъ, которыми они обмѣнялись, что мое общество имъ вовсе не было пріятно. Жадно желая пріобрѣсти ихъ дружбу, я обратился къ каждому изъ нихъ съ нѣсколькими норвежскими словами, но вмѣсто всякаго отвѣта они какъ-то мрачно посматривали на меня и трясли головами. Тѣмъ не менѣе, однако, я снялъ мокрые башмаки и чулки и босой присоединился къ моимъ лапландцамъ, желая посмотрѣть, какъ они доятъ оленей. Первою заботою было поймать непослушныхъ животныхъ. Лапландецъ для этого очень ловко набрасываетъ петлю на рога животнаго, имъ избраннаго. Иногда послѣ этого олень не противится; но нерѣдко онъ съ петлей и на ней висящимъ лапландцемъ бѣгаетъ вокругъ загороди, нѣсколько времени таская за собой послѣдняго. Наконецъ, олень останавливается отъ усталости, тогда лапландецъ очень ловко прикручиваетъ голову оленя къ одному изъ лежащихъ на землѣ бревенъ и тогда приступаетъ къ доенію. Круглымъ числомъ сѣверный олень даетъ полпинты молока, которое почти такъ же густо, какъ обыкновенныя сливки и необыкновенно сладко. Этого молока нельзя много выпить, именно потому, что оно слишкомъ жирно. Трудно описать, какъ живо шло дѣло въ загороди, каждому дѣла было по горло и даже маленькія дѣти упражнялись въ набрасываніи аркановъ. Вылѣзшая шерсть, падавшая съ бѣгающихъ животныхъ, весьма заботливо собиралась. Изъ нея приготовляютъ тюфяки, на которые стелятъ шкуры сѣверныхъ оленей.

«Сидя среди суматохи на камнѣ, я записалъ нѣсколько бѣглыхъ замѣтокъ въ своемъ бумажникѣ, что произвело всеобщее неудовольствіе. Вѣроятно, они сочли меня за чиновника, ревизующаго подати, или, пожалуй, за нѣчто еще худшее. Въ то время, какъ они съ кислыми минами смотрѣли на мое записываніе, я заговорилъ съ лапландцемъ, понимавшимъ по норвежски, и объяснилъ ему дружескую цѣль своего посѣщенія. Довѣріе дѣтей я уже пріобрѣлъ, раздавъ имъ большія ржаныя булки, которыми я позаботился въ Тромзое наполнить карманы. Но дѣти-дикари также мало выказали благодарности, какъ-будто я имѣлъ дѣло съ автоматами. Лишь только переводчикъ замѣтилъ это, какъ тотчасъ же приказалъ сказать одному изъ нихъ по норвежски: благодарю! очень благодарю!

«Ново-зеландецъ строитъ несравненно лучшія хижины, нежели крестьянинъ нѣкоторыхъ мѣстностей Ирландіи; жилище ирландца немного лучше уроженца огненной земли, а этотъ послѣдній

по крайней мѣрѣ настолько же хорошій архитекторъ, если не лучше, какъ и лапландецъ, гамма котораго состоитъ изъ почти безформенной массы земли, камней и древесныхъ вѣтвей съ небольшимъ четырехугольнымъ отверстіемъ для двери и еще меньшимъ отверстіемъ на верху для дыма. Я влѣзъ въ одно изъ такихъ превосходныхъ жилищъ, которое имѣло около 12 футовъ въ длину и ширину и въ серединѣ до 10 футовъ въ вышину. Весь свѣтъ, притекавшій въ эту нору, проходилъ вмѣстѣ съ дождемъ и снѣгомъ черезъ верхнее отверстіе. Почти весь полъ былъ покрытъ постелями изъ шкуръ сѣверныхъ оленей. Кругомъ дюжинами висѣли пузыри оленей, наполненные кипяченымъ молокомъ, которое предназначалось на зиму. Кромѣ этого вся прочая мебель состояла изъ желѣзнаго котла и двухъ маленькихъ шкапчиковъ, въ которыхъ хранилось нѣсколько ложекъ и другой незначительной, самими лапландцами изготовляемой утвари. Мнѣ очень хотѣлось купить лапландскаго сыра, но здѣсь его нельзя было найдти. Потомъ я спросилъ у своего переводчика нельзя-ли достать нѣсколько сушеной оленины и онъ повелъ меня къ особой постройкѣ, имѣющей видъ платформы, держащейся на древесныхъ пняхъ и покрытой шкурами. Вмѣсто лѣстницы, ведущей въ эту кладовую, стоялъ древесный стволъ съ обломанными вѣтвями, остатки которыхъ служили ступенями. За полъ-талера я купилъ цѣлую грудь, но этого было мало, мнѣ еще хотѣлось достать себѣ оленью собаку. Хотя лапландецъ очень неохотно разстается съ этимъ неоцѣненнымъ домашнимъ животнымъ, но серебро имѣетъ такой соблазнительный звукъ и притомъ нигдѣ нѣтъ такихъ поклонниковъ мамонѣ, какъ между этими дѣтьми крайняго сѣвера. Оленья собака величиной почти съ шотландскаго терьера, но голова поразительно похожа на рысью. Цвѣтъ шерсти весьма различенъ, но она всегда длинна и курчава.

Я взошелъ на гору по крутому склону, что-

ИНОСТРАННАЯ ГАЛЕРЕЯ.

КАРТИНА ВИЛЕМСА.

Разлука.

Рѣзалъ на деревѣ **А. Шлиперъ** въ С.-Петербургѣ.

бы осмотрѣть сверху стоянку лапландцевъ. Дикій потокъ бѣжалъ по склону и, слѣдуя теченію источника, я достигъ высоты около 600 футовъ надъ дномъ долины. Здѣсь начинается вѣчная зима и вода течетъ въ замерзшемъ снѣгу, а иногда и подъ нимъ. Въ глубинѣ стояли гаммы и изгороди, а весь далъ горѣлъ отъ яркаго солнечнаго свѣта, хотя уже было 10 часовъ пополудни. По окончаніи доенія, которымъ вся община была занята втеченіи нѣсколькихъ часовъ, мало по малу выпустили на свободу всѣхъ сѣверныхъ оленей. Стадо принадлежало 6 различнымъ владѣльцамъ, которые съ своими семействами и прислугою составляли небольшую общину.

«Когда я сошелъ съ горы, то на берегу Тромздаль-эльфа увидѣлъ безобразнаго лапландца, у ногъ его лежалъ сѣверный олень, котораго онъ только что прирѣзалъ. Чтобы убить сѣвернаго оленя, лапландецъ беретъ маленькій ножичекъ, клинокъ котораго не длиннѣе 2 дюймовъ, и вонзаетъ его въ шею. Чтобы не потерять драгоцѣнной крови, ножа не вынимаютъ изъ раны, а вмѣстѣ съ нимъ пускаютъ бѣдное животное, которое черезъ нѣсколько времени падаетъ на землю. Потомъ лапландецъ съ большимъ искусствомъ снимаетъ шкуру, такъ что на нее не попадетъ ни одной капли крови. На возвратномъ пути я видѣлъ многочисленныя группы сѣверныхъ оленей, обгладывающихъ на полной свобо

ИНОСТРАННАЯ ГАЛЕРЕЯ.

КАРТИНА ВЕЙЗЕРА.

Дуэтъ.

Рѣзалъ на деревѣ **А. Брендамуръ**.

дѣ побѣги мелколѣсья, и встрѣтилъ лапландца, который велъ 3 большихъ сѣверныхъ оленей. Они стройно шли другъ за другомъ, неся на спинахъ тяжелые вьюки, которые свѣшивались на пятнистые ихъ бока. Сѣверныхъ оленей можно употреблять какъ вьючное животное только послѣ долговременной дрессировки».

Въ Швеціи, Норвегіи и Россіи не болѣе 9,000 лопарей. Наши лопари (2,000 ч.) давно уже значительно обрусѣли и обращены въ христіанство св. Трифономъ, послѣ котораго они попали въ зависимость Печенгскаго монастыря. Вотъ списокъ монаховъ этого монастыря въ 1699 г. «братьи монаховъ 14 человѣкъ, да вкладчиковъ 12 человѣкъ и въ томъ-де числѣ Тихонъ, прозваніемъ Кабакукшинъ, лѣтъ совершенно престарѣлъ и очми мало видитъ, грамотѣ не ученъ, хмѣлное питье пьетъ въ пьянство и во нравѣ мало постояненъ. Монахъ Алимпій, лѣты старъ же и зрѣніемъ велми скуденъ, грамотѣ не ученъ хмельнаго пития держитца не вмалѣ. Монахъ Сильвестръ въ мірѣ былъ въ стрѣльцахъ, лѣты не молодъ, житье живетъ своеволное, съ братію малосогласное и пьянственнаго питья держитца не вмалѣ; за нимъ естъ и монастырской казны въ похищеніи; и зъ братьею живетъ-де болше ропотно, нежели согласно. Монахъ Илья живетъ житье совершенно пьянственное и монастырскіе избытки, гдѣ что можно, похищаетъ воровски, да и постригся-де онъ въ иночество отъ бѣды, которая прилучилась ему отъ воровства. Монахъ Серафимъ, лѣты престарѣлъ къ воздержанію посредственно и въ трудахъ-де послушенъ. Монахъ Арсеній житье живетъ къ пьянству желателное и на кабакъ для напитку бываетъ нерѣдко, и на ту потребу, слыхалъ онъ, что чинитъ изъ монастырскихъ избытковъ похищеніе. Монахъ Іаковъ, пьянства держится зъ желаніемъ. Монахъ Калистъ, житіе де живетъ онъ совершенно пьянственное, мало исъ кабака сходитъ, а грамотѣ онъ не ученъ, а монастырскаго ничего ввѣрить ему невозможно. Монахъ Гурей, человѣкъ онъ пьянственный же. Монахъ Ефремъ, житіе преходитъ онъ пьянственное и непотребное, а постригся онъ отъ многихъ своихъ долговъ. Монахъ Исаія, человѣкъ онъ упивчивый, а лѣты онъ совершенно престарѣлъ. Іеромонахъ Горантій, постригся онъ по нуждѣ отъ начетнаго на него хлѣба; а въ мірѣ-де онъ жилъ житіе пьянственное-жь, въ монастырѣ лежитъ погами велми скорбенъ. Монахъ Павелъ, житіе онъ въ монашествѣ преходитъ доброе. Монахъ Иринархъ, прежъ сего жилъ въ Кандалажскомъ монастырѣ и учинилъ онъ отъ пожару разореніе, житіе живетъ межъ братствомъ ропотливое».

Для полноты характеристики иноковъ Печенгскаго монастыря слѣдуетъ еще прибавить, что самъ строитель Павелъ, который, по словамъ священника Симеона, «преходилъ доброе», черезъ нѣсколько лѣтъ былъ заподозрѣнъ въ житіи болѣе безнравственномъ, нежели остальные его подвижники. Въ памяти архіепископа Афанасія іеромонаху Лаврентію да подъячему Федору Нечаеву 1701 г. ноября 13-го написано: «Да вѣдомо преосвященному Афанасію учинилось, что къ бывшему той (Печенгской) пустыни строителю Павлу Холмогору приходятъ въ келью робята невозрастные и ночюютъ, и онъ съ ними пьянствуетъ, и вамъ тѣхъ робятъ распросить вправду накрѣпко, кто имянно и чьи робята къ нему, Павлу, въ келью ходятъ и ночуютъ, и буде они не учнутъ правду сказывать и ихъ бить плетми нещадно и спрашивать у нихъ и буде скажутъ что противъ ихъ распросныхъ рѣчей распросить же накрѣпко Павла и буде онъ учнетъ запиратца и ему дать очную ставку со всякимъ порознь и съ очной ставки, въ чемъ доведетца, розыскать, и тотъ розыскъ за руками привезть тебѣ Федору въ казенный приказъ, а его Павла до указу Преосвященнаго архіепископа держать въ той пустыни скована за карауломъ»... Впослѣдствіи этотъ Павелъ былъ сосланъ, вѣроятно, по настоящему дѣлу, въ Соловецкій монастырь на покаяніе.

Не легко было лопарямъ подъ владычествомъ подобныхъ иноковъ, но не легче стало имъ послѣ закрытія Печенгскаго монастыря въ 1764 г. Грабежи и насилія разныхъ служилыхъ и торговыхъ людей раззорили лопарское племя. Лопарь боится русскаго едва-ли не болѣе, чѣмъ своихъ знаменитыхъ колдуновъ, которыми съ древности славится его земля. Вотъ что пишетъ, напр., одинъ лѣсничій: «Ты, ваше благородіе, какой начальникъ?» спросилъ меня лопарь. Я объяснилъ ему мое административное назначеніе. «А ты больше-ли нашего писаря?» «Гораздо больше». Лопари стали просить меня, чтобъ я ихъ не обижалъ и позволялъ имъ рубить березки для дровъ и жерди для вежъ. Я, конечно, позволилъ и успокоилъ, сказавъ, что не стану обижать. «А ты, ваше благородіе, дерешься-ли?» спросилъ неожиданно другой лопарь. Этотъ вопросъ удивилъ меня. Я отвѣчалъ, что никогда не дерусь и что большой и хорошій чиновникъ никогда никого не бьетъ, а если кто не послушается его или провинится, то онъ приказываетъ старшинѣ, чтобы тотъ наказалъ виновнаго. Лопарь съ удивленіемъ покачалъ головой и промолвилъ: «Какъ такой большой чиновникъ не дерется». Я спросилъ лопаря, по какой причинѣ онъ далъ мнѣ этотъ вопросъ. «А такъ, отвѣчалъ онъ,—здѣсь одинъ разъ былъ какой-то начальникъ, такой сердитый, онъ четырехъ лопарей прибилъ, мы всѣ его боялись». «За чтожь онъ васъ билъ?» «А не знаемъ, вѣрно за то, что оленей не скоро привели, а у насъ кегоры далеко. А ты знаешь-ли, ваше благородіе, Царя?» «Знаю, отвѣчалъ я,—а на что тебѣ?» «Да вотъ писарь нашъ больно обижаетъ лопарей, пріѣдетъ за податями, такой сердитый, всѣхъ прибьетъ, и бабъ прибьетъ, спрашиваетъ водки, а у насъ водки нѣтъ—такъ мы хотимъ жаловаться». (id., 54).

Робкій лопарь по возможности избѣгаетъ встрѣчъ съ чиновникомъ и только по необходимости обращается съ своими просьбами къ власти. Одинъ наблюдатель говоритъ о жителяхъ деревни Поноя, отчасти лопарей, отчасти русскихъ, гдѣ сильно отзывается лопарскій элементъ: «Въ случаяхъ ссоръ, обидъ, воровства и пр. попояне не любятъ прибѣгать къ установленнымъ властямъ, а всѣ дѣла стараются рѣшать дома, своимъ третейскимъ судомъ». Не мудрено, что лопари предпочитаютъ свой судъ; у нихъ сохранились еще воспоминанія о томъ времени, когда они могли рѣшать сами и рѣшали дѣла даже по уголовнымъ преступленіямъ. Кастренъ приводитъ разсказъ о такомъ рѣшеніи: одинъ лопарь въ Кусамо тайно умертвилъ свою жену, но это злодѣяніе вскорѣ было открыто его десятилѣтнимъ сыномъ. Лопари созвали старшинъ на слѣдствіе. Судьи, по обычаю, собрались въ домѣ обвиняемаго и устроили такъ называемую судную избу. Уличенный былъ приговоренъ къ висѣлицѣ и судьи же привели свой приговоръ въ дѣйствіе. Не менѣе чѣмъ чиновника боится лопарь купца-кабалителя. Каждый лопарь, какъ бы онъ ни былъ зажиточенъ, имѣетъ кредитора, котораго онъ называетъ своимъ хозяиномъ и благодѣтелемъ, у котораго состоитъ всегда въ долгу и потому въ полной зависимости. Такъ, напримѣръ, лопари всей сѣверо-западной части Кольскаго полуострова, т. е. погостовъ: Сонгельскаго, Нотозерскаго, Кильдинскаго, Мотовскаго и Печенгскаго, находились издавна въ кабалѣ у двухъ кольскихъ купцовъ, у которыхъ забирали и деньги для уплаты повинностей и все необходимое, отдавая имъ за то всѣ свои промыслы по цѣнамъ, произвольно назначаемымъ этими купцами. Послѣдніе такъ безцеремонно относятся къ лопарямъ, что подѣлили между собою ихъ погосты, чтобы не мѣшать другъ другу въ эксплоатаціи лопарей. Попавъ разъ въ руки эксплуататоровъ, лопари уже не могутъ болѣе отъ нихъ освободиться, если на выручку не явится какой нибудь счастливый случай или административное вмѣшательство. Такимъ счастливымъ случаемъ, освободившимъ печенгскихъ лопарей, было раззореніе ихъ хозяина, купца Шабунина, подъ которымъ они состояли, по ихъ собственному выраженію. Они находились у него постоянно въ долгу, за который должны были отдавать ему всѣ свои промыслы; вслѣдствіе того сами находились въ крайней бѣдности, едва имѣя пропитаніе за всѣ свои огромные труды. Торговыя дѣла Шабунина поразстроились и онъ не могъ при наступленіи промысловъ весною дать лопарямъ количество хлѣба, необходимое при производствѣ ловли рыбы, которая должна была поступить въ его собственность. Этимъ случаемъ воспользовались лопари, чтобы сбыть промыслы по выгодной цѣнѣ постороннимъ покупателямъ, и такимъ образомъ, обезпечивъ себя на зиму, сдѣлаться независимыми отъ хозяина. Мы имѣемъ свѣдѣнія о другомъ торговомъ аферистѣ, кольскомъ купцѣ, захватившемъ въ свои руки лопарей нѣсколькихъ погостовъ. Этотъ купецъ, служа въ Поноѣ кабацкимъ повѣреннымъ во времена откупной системы, развозилъ по тундрѣ мерзлое вино на продажу лопарямъ и очень хорошо познакомился съ ихъ полудикими нравами и богатыми промыслами. Послѣ какихъ то неудачныхъ предпріятій удалился онъ въ Колу на постоянное жительство. Здѣсь онъ въ короткое время успѣлъ забрать половину Колы въ свои кабальные задатчики и закрѣпостилъ 5 погостовъ лопарскихъ. Его господство довело лопарей самаго богатаго изъ погостовъ—Нотозерскаго до крайней бѣдности. Наконецъ, нотозерскіе лопари высвобождены были изъ его рукъ административнымъ порядкомъ, но другіе погосты и до сихъ поръ несутъ его иго. Онъ то владѣлъ Туломскимъ надуномъ съ крайнимъ отягощеніемъ для лопарей, не смотря на то, что они служили ему и зиму и лѣто своимъ трудомъ. Изъ морского промысла онъ принимаетъ рыбу отъ задатчиковъ по 20 и 25 к., а когда отправитъ ее въ Петербургъ, то расчитываетъ ихъ уже по 15 к. за пудъ. Такъ поступаетъ онъ при всякихъ подрядахъ по поставкѣ къ нему матеріяловъ и въ прочихъ торговыхъ сдѣлкахъ. Всякій, попавшійся къ нему въ руки по нуждѣ, отходитъ отъ него уже совершенно нищимъ. Это подтверждается даже офиціальными документами (Арх. губ. вѣд. 1866 г., № 28). «Главное достояніе лопарскихъ обществъ, сказано въ этой статьѣ,—составляютъ обильныя ловли, преимущественно семги, въ устьяхъ многочисленныхъ рѣкъ Мурманскаго берега. Но никакъ нельзя сказать, чтобъ этими ловлями пользовались лопари, или же, чтобъ извлекали ту пользу, которая естественно и законно принадлежитъ обладателю вещи. Рыбныя ловли, принадлежащія лопарскимъ обществамъ, эксплуатируются двоякимъ способомъ: или онѣ сдаются ими въ аренду кольскимъ и морскимъ капиталистамъ, или сами они занимаются ловлею рыбы и затѣмъ весь уловъ продаютъ тѣмъ же капиталистамъ. Такого рода отношенія представляются сами по себѣ весьма естественными и могли бы повести къ обоюдной выгодѣ, если бы на практикѣ отношенія эти не сложились въ безвыходную для лопарей кабальную зависимость отъ кольскихъ и поморскихъ торговцевъ. Пользуясь обстоятельствами, они захватили въ свои руки снабженіе лопарей предметами продовольствія, а также орудіями рыбной ловли, солью, порохомъ и вообще всѣмъ, что требуется въ неприхотливомъ быту инородца. Самый взносъ госу-

дарственныхъ податей и повинностей съ лопарскихъ обществъ торговцы благосклонно приняли на себя, такимъ образомъ милостиво избавляя инородцевъ отъ всякихъ хлопотъ по уплатѣ казенныхъ и общественныхъ сборовъ. Вслѣдствіе такого порядка мало-по-малу лопари превратились въ неоплатныхъ должниковъ кольскимъ и поморскимъ торговцамъ, а потому и все достояніе лопарей и весь трудъ ихъ поступили въ полное распоряженіе этихъ торговцевъ. Лучшія рыбныя ловли лопарей они могли заарендовывать за самую ничтожную цѣну и также за безцѣнокъ пріобрѣтаютъ отъ нихъ весь ихъ уловъ и добычу отъ пушного промысла. Какъ образчикъ тѣхъ экономическихъ отношеній, въ какія поставлены лопари, достаточно привести слѣдующій фактъ: кольскій купецъ Б. въ 1865 году, за розданныя имъ прежде деньги и хлѣбъ, отбиралъ у лопарей семгу съ рѣки Туломы по 50 к. за пудъ, между тѣмъ какъ, по распоряженію мѣстнаго окружного начальника, остатки этой же семги были проданы съ торговъ по 2 руб., а въ Архангельскѣ перепроданы по 6—8 рублей за пудъ». Эта кабала болѣе всего поддерживается водкой. Одинъ изъ главныхъ виноторговцевъ г. Колы, русскій кулакъ, зная вполнѣ слабость и страсть лопарей, съ 14-го декабря посылаетъ своего повѣреннаго съ бочепкомъ вина по погостамъ и въ сборный пунктъ лопарей Ловозеро на праздникъ Крещенья. Съ появленіемъ водки начинается у лопарей круговое пьянство, истощающее ихъ средства. По разсказамъ очевидцевъ, лопари, съѣхавшіеся съ разныхъ мѣстъ въ Ловозеро, цѣлую недѣлю ходятъ, какъ угорѣлые, не зная, что день, что ночь, и разъѣзжаются, когда пропьются на чисто. Хорошая водка продается только въ началѣ, а потомъ идетъ имѣющая только запахъ спирту. Тотъ же виноторговецъ посылаетъ въ мартѣ своего повѣреннаго на Растъ-Наволоцкую пустынную станцію, съ которой разъѣзжаются поморы, одни въ Колу, другіе прямо въ свои становища; туда собираются для извоза лопари и пропиваютъ большую часть своего заработка. Вотъ что разсказываетъ одинъ путешественникъ о жителяхъ деревни Поной, которые состоятъ частью изъ русскихъ, частью изъ осѣдлыхъ лопарей: «вошелъ опасъ (проводникъ), одинъ изъ понойскихъ лопарей. «Не хочешь-ли выпить на дорогу?» спросилъ я его. «Если поднесете, выпью». Я поднесъ ему чарку водки. «Я водки не пью», сказалъ онъ съ какимъ то пренебреженіемъ. «Давно-ли не пьешь?» спросилъ присутсвовавшій при этомъ священникъ. «Съ осени, съ промысловъ». «А что же ты пьешь?» «Ромъ», отвѣчалъ опасъ, поглядывая искоса на стоящую на столѣ бутылку. «Такъ вотъ какъ, сказалъ священникъ;—а не хочешь-ли шампанскаго?» Лопарь, повидимому, обидѣлся этимъ замѣчаніемъ и съ чувствомъ собственнаго достоинства отвѣчалъ: «Можетъ быть, ты, батюшка, не пилъ шампанскаго, а я пивалъ и ромъ, и ликеры, и шампанское». Слова эти показались мнѣ странными; но священникъ, знавшій своихъ прихожанъ, тотчасъ объяснилъ ихъ: «Пополне, сказалъ онъ,—всѣ страшные пьяницы. Промыслы у нихъ почти всегда изобильны и даютъ хорошій доходъ; осенью приходятъ въ Поной поморы, навезутъ изъ Норвегіи рому, разныхъ ликеровъ и винъ, вымѣняютъ ихъ на промыселъ, а пополне и пойдутъ пьянствовать, и не только мужчины, но и женщины, и даже ребята; пьютъ, словомъ, всѣ поголовно. Простой водки никто и знать не хочетъ, а подавай ликеру или шампанскаго; а спросите у нихъ, много-ли они знаютъ толку въ шампанскомъ и виноградныхъ винахъ! Здѣсь всѣ держатся пословицы: «хоть на часъ да вскачь», пьянствуютъ на пропалую и нисколько не заботятся о будущемъ. Поморы пользуются этою слабостью и берутъ съ нихъ тройную цѣну за всѣ напитки и лакомства. Вотъ посмотрите: всѣ мужчины въ синихъ кафтанахъ, бабы и дѣвки разряжены, какъ на свадьбѣ, а пріидетъ дѣло къ веснѣ, будетъ здѣсь чистый голодъ. А пить все-таки надо; и понесутъ они всѣ эти обновы и все, что имѣютъ, въ кабакъ и будутъ всѣ ходить въ лохмотьяхъ. Повѣренному по питейной части здѣсь житье: у него и водку берутъ въ счетъ будущихъ промысловъ, и хлѣбъ, и другіе припасы въ долгъ. При мнѣ смѣнилось нѣсколько такихъ повѣренныхъ; пріѣдетъ какая-нибудь голь, весь въ лохмотьяхъ, ѣсть нечего, глядишь, онъ имѣетъ ужь ладью и въ купцы записался. Больше зло—здѣшній кабакъ».

Къ эксплуатаціи наивнаго, добродушнаго лопаря не мало служитъ и обычай побратимства или крестованья. Названіе этого обычая произошло отъ того, что заключающіе между собою братскій союзъ мѣняются крестами, «крестуются». Послѣ обмѣна крестовъ, союзъ закрѣпляется еще обмѣномъ подарковъ. Лопарь даритъ тому, съ кѣмъ онъ заключилъ такой союзъ, что у него есть лучшаго: оленя, лучшій оленій мѣхъ, бобра, чернобурую лисицу и пр. Лопари любятъ этотъ обычай крестованья и заключаютъ такой союзъ не только между собою, но и съ русскими. Русскіе часто пользуются этимъ обычаемъ для корыстныхъ цѣлей; приглашаютъ лопаря побогаче къ себѣ на ладью, угощаютъ его, заявляютъ ему свое дружеское расположеніе: «А ну, покрестуемся, братъ?» кричитъ восхищенный лопарь. «Покрестуемся!» отвѣчаетъ ему хозяинъ и тотчасъ надѣляетъ гостя какимъ-нибудь подаркомъ, двумя-тремя фунтами пшена, гороха и еще чѣмъ-нибудь подобнымъ. Черезъ нѣсколько времени признательный лопарь уже несетъ своему крестовому или прекрасную оленью шкуру или дорогой лисій мѣхъ. Вотъ примѣръ такого крестованья: «Одинъ русскій промышленникъ на мурманскомъ берегу, близъ норвежской границы, встрѣтилъ неизвѣстнаго ему лопаря, богатство котораго состояло въ оленьихъ стадахъ. Промышленникъ пригласилъ къ себѣ на ладью лопаря. Лопарю понравился новый его знакомый такъ, что онъ ему предложилъ покрестоваться, и лопарь, по обычаю, получилъ подарокъ, потомъ пригласилъ къ себѣ своего крестоваго брата. Они съѣхали на берегъ и, пройдя нѣсколько шаговъ, очутились на небольшой равнинѣ, окруженной скалами. Лопарь громко свиснулъ и на этотъ свистъ послышался лай собакъ: лопарь повелъ своего крестоваго на холмъ, съ котораго видно было, какъ сбѣгались на равнину стада оленей, ловко загоняемыя собаками. «Вотъ всѣ мои олени, сказалъ лопарь;—выбирай себѣ любого». Крестовый смутился и не хотѣлъ брать, сравнивая ничтожность своего подарка съ предлагаемымъ лопаремъ. Лопарь сошелъ съ горы и, выбравъ самаго лучшаго оленя, ловко набросилъ на рога его петлю: олень былъ убитъ и промышленникъ разстался съ крестовымъ, неся съ собою прекрасную шкуру и мясо оленя».

(*Продолженіе слѣдуетъ.*)

* * *

Стих. **Д. Ушакова**.

Мгновенья есть, когда опять припоминаешь
Съ улыбкой на устахъ промчавшіеся дни,
И тѣни свѣтлыя обратно призываешь,
И прошлыхъ лѣтъ огонь горитъ въ твоей груди.

* * *

И хочется тебѣ, чтобъ возвратились годы,
Когда въ твоей душѣ пылалъ огонь святой,
Когда не зналъ еще ни жизненной невзгоды,
Ни омраченныхъ дней коварною борьбой.

* * *

Ты счастливъ былъ еще отъ самой колыбели:
Шли юные года блестящей чередой;
Но дальше жизнь твоя терялася безъ цѣли
И шелъ ты наугадъ невѣрною тропой.

* * *

Да! даромъ тратилъ ты избытокъ юной силы,
Вступивъ съ своей судьбой въ неровную борьбу.
Къ чему она вела? Лишь къ сумраку могилы,
Въ которую сойдешь, кляня свою судьбу.

* * *

И жаль тебѣ тѣхъ лѣтъ безцѣльныхъ, но прекрасныхъ,
Когда ты создавалъ свой свѣтлый идеалъ,
И жаль тебѣ тѣхъ грезъ заманчивыхъ, неясныхъ,
И жаль тѣхъ дней, когда ты вѣрилъ и мечталъ,

* * *

Когда передъ тобой тусклѣющія дали
Въ надежды золотыхъ, обманчивыхъ лучахъ
Широкій, чудный путь впервые открывали,—
Тѣхъ дней, когда виталъ ты въ пламенныхъ мечтахъ.

* * *

Ты счастливъ былъ тогда; волшебныя видѣнья
Волшебной чередой роились въ головѣ;
И будешь вспоминать тѣ чудныя мгновенья,
Пока ты не уснешь въ землѣ.

Ловля жемчуга.

(Ст. **Ревоаля**, переводъ **В. В. Юзефовича**.)

Жемчугъ—да позволено будетъ напомнить нашимъ читателямъ—это продуктъ выдѣленія перламутровой массы нѣкоторыми устрицами, которыя, чтобы избавиться отъ вторженія извнѣ сквозь наружные покровы во внутренность раковины всего, что можетъ ей мѣшать или угрожать—будь то насѣкомое или какой-либо посторонній предметъ—обволакиваютъ ихъ упомянутымъ веществомъ. Распиливъ жемчужину на двѣ части, мы убѣдимся, во 1-хъ, что она образовалась изъ цѣлаго ряда концентрическихъ наслоеній; во-вторыхъ, въ срединѣ ея непремѣнно усмотримъ и то постороннее тѣло, которое своимъ присутствіемъ дало поводъ образованію самой жемчужины.

Основываясь на только что нами изложенномъ, человѣческая изобрѣтательность придумала способъ искуственно помогать воспроизведенію жемчуга; чтобы достигнуть этого, достаточно, взявъ извѣстнаго рода раковину, повредить хотя-бы, напримѣръ, проколомъ ея покровы; тогда организмъ, внутри находящійся, стремясь исправить вредъ, нанесенный его жилищу, привлекаетъ къ поврежденному мѣсту известковое вещество, составляющее сущность покрововъ раковины. Изобиліе этого вещества производитъ утолщеніе, наростъ, который и есть то, что мы называемъ жемчугомъ. Индѣйцамъ извѣстно такое искуственное воспроизведеніе жемчуга; равно способъ этотъ практикуется и въ Германіи, гдѣ вдоль большихъ притоковъ лѣваго берега Рейна пробовали устраивать садки жемчужныхъ раковинъ съ цѣлью правильной ихъ эксплоатаціи.

Устрицы, дающія лучшій жемчугъ, называются pintadines—жемчужныя матки (mère-perles) *); эта порода славится какъ количествомъ производимаго ею жемчуга, такъ равно и его качествомъ; жемчужины этой категоріи большой цѣнности вслѣдствіе своей величины и правильности формы.

Также извѣстны по красотѣ находимаго въ нихъ жемчуга раковины «avieules», «patchès» и «héliolides»; послѣднія особенно прелестны своими богатыми, радужными переливами.

Жемчужныя ловли встрѣчаются въ Америкѣ и въ Индіи; въ послѣдней особенно у береговъ

*) Mère-perles—это крупныя, двухстворчатыя раковины, заключающія въ себѣ иногда большое количество жемчужинъ; по-нѣмецки Perlenmutter; отсюда русское слово перламутръ.

о. Цейлона. Искусство добывать жемчугъ знакомо было уже въ глубокой древности. Обыкновенно ловля начинается въ февралѣ и оканчивается въ апрѣлѣ.

Водолазъ, спеціально пріученный къ этому дѣлу, вооружается сѣткой, схожей съ мѣшкомъ, обматываетъ вокругъ пояса веревку, ныряетъ на дно моря, торопливо наполняетъ сѣтку раковинами и по прошествіи двухъ, трехъ минутъ, по данному сигналу, вытягивается на поверхность воды.

Часто случается, что у водолаза, подпнявшагося на поверхность, изъ носу и ушей показывается кровь. Каждый водолазъ повторяетъ операцію ныряния до 50 разъ втеченіи дня.

Дѣленіе это основано на расчетѣ, что именно втеченіи такого періода времени раковины, дающія жемчугъ, достигаютъ должной величины и что если-бы ихъ продержать дольше, то жемчужины, сдѣлавшись бременемъ, были-бы извергнуты изъ оболочки, ихъ заключающей.

Суда, приспособленныя для этого рода ловли, должны имѣть дозволеніе правительства, которому они въ свою очередь платятъ за право промысла. Въ заранѣе назначенный день, къ 10 часамъ вечера, всѣ суда собираются въ Кондальчской бухтѣ, чтобы затѣмъ на разсвѣтѣ общей ватагой идти къ мѣсту ловли. На каждомъ суднѣ кромѣ хозяина помѣщается 20 человѣкъ: 10 гребцовъ и 10 водолазовъ. Послѣдніе, съ судна, что пора его тянуть на верхъ. Каждый водолазъ въ состояніи до 50 разъ въ день возобновлять свою подводную прогулку. Такимъ образомъ ловля продолжается съ восхода солнца до полудня, когда пушечный выстрѣлъ оповѣщаетъ, что пора всѣмъ возвращаться къ мѣсту отправленія. По прибытіи подъ присмотромъ хозяевъ ловли или правительственныхъ агентовъ всѣ добытыя раковины сваливаются или въ неглубокіе, особаго устройства колодцы, или на заранѣе приготовленныя, обнесенныя палисадомъ цыновки.

Спустя извѣстное время, когда жизнь молюсковъ прекратится и когда сочтутъ своевременнымъ приступить къ вскрытію раковинъ, начи-

ИНОСТРАННАЯ ГАЛЕРЕЯ.

КАРТИНА ПЕРО.

Замерзающіе.

Рѣзано на деревѣ въ Парижѣ.

Всѣ выловленныя раковины сбрасываются въ кучу, на заранѣе приготовленныя цыновки, обнесенныя изгородью, и только тогда, когда мясо молюсковъ начинаетъ гнить и разложеніе достигнетъ значительной степени—приступаютъ къ извлеченію изъ раковинъ жемчуга.

Самая значительная ловля жемчуга находится на ост. Цейлонѣ, въ Кондальчской бухтѣ—части Манарскаго залива. Ловля занимаетъ собою пространство въ 20 миль, которое разбито на правильно вымѣренные участки, подобно тому, какъ у насъ это принято относительно лѣсовъ, или какъ въ Сициліи на кораловыхъ рифахъ. Вся поверхность ловли раздѣлена на 7 частей; эксплоатируется ежегодно только одна часть въ однажды установленной, строгой послѣдовательности. дѣтства привыкшіе къ своему ремеслу, большею частью родомъ изъ Коланга, на Малабарскомъ берегу или съ ост. Маджіара. Водолазы, вооружившись сѣткой, обматываются у пояса веревкой съ камнемъ на концѣ; къ этой веревкѣ при посредствѣ колецъ, вдѣланныхъ въ нее, прикрѣпляется другая, наглухо привязанная на суднѣ; эта послѣдняя играетъ роль сигнальной: ею дается знать, когда нужно тянуть на верхъ.

Въ моментъ киданія въ воду водолазъ захватываетъ пальцами ногъ веревку съ камнемъ, правой рукой придерживаетъ сигнальную веревку, лѣвой же затыкаетъ себѣ ноздри. По прошествіи 2, 4, 5 много 6 минутъ водолазъ приводитъ въ движеніе сигнальную веревку и тѣмъ даетъ знать людямъ, стоящимъ на чеку у борта нается отыскиваніе въ нихъ жемчуга. Самые организмы молюсковъ подвергаются тщательному пересмотру, для чего ихъ иногда даже кипятятъ. Кромѣ того лучшіе экземпляры раковинъ, годные для извлеченія изъ нихъ перламутра, собираются особо; все остальное бросается. Жемчугъ, найденный крѣпко сидящимъ въ раковинѣ, заботливо отъ нея отдѣляютъ, при чемъ неровности, произведенныя надломомъ, особыми мастерами-спеціалистами тщательно сглаживаются и шлифуются при помощи порошка, изъ жемчуга же добываемаго.

Чтобы получить одинъ фунтъ жемчуга, необходимо приблизительно 70,000 фунтовъ раковинъ. 10 фунтовъ ежегодно добываемаго жемчуга представляетъ почтенную цифру въ 700,000

фунтовъ раковинъ. Кромѣ того часто поиски кончаются ничѣмъ, или не оправдываютъ ожиданій; цѣнность затратъ непокрывается малоцѣнною, подчасъ ничего не стоющей добычею; потерянное время, разбитыя надежды; сведемъ все это—и прибыльность жемчужной ловли явится предъ нами въ иномъ свѣтѣ. А покушенія на собственность предпринимателя? Нѣкоторые водолазы ухитрились изобрѣсти способъ вскрывать раковины на днѣ морскомъ; найдя жемчужину, они ее проглатываютъ, поднявшись же на верхъ говорятъ, что ничего не нашли. Къ ихъ горю, жемчужину, подвергнувшуюся такимъ перипетіямъ, легко узнать: пребываніе въ пищепріемномъ каналѣ и далѣе въ желудкѣ портитъ ее: она теряетъ блескъ. Хозяева-предприниматели, подозрѣвая водолаза въ утайкѣ найденнаго, сейчасъ же, добромъ или силою, принуждаютъ его проглотить особаго рода рвотное, дѣйствіе котораго моментально.

Одна изъ трагическихъ сторонъ жизни охотника за жемчугомъ,—это встрѣча его подъ водою съ рыбами изъ семейства морскихъ собакъ, враждебныхъ человѣку. Эти рыбы, въ обыкновенное время почти не появляющіяся въ Кондальчской бухтѣ, положительно кишатъ въ ней въ періодъ жемчужной ловли. Онѣ поселяются

ИНОСТРАННАЯ ГАЛЕРЕЯ.

КАРТИНА Е. ГРЮЦНЕРА.

Утѣшительница.

Рѣзалъ на деревѣ **А. Шлиперъ** въ С.-Петербургѣ.

на отмеляхъ и оттуда не трогаются. Стоитъ попристальнѣе вглядѣться въ морскую поверхность и то тутъ, то тамъ легко замѣтить ихъ присутствіе по плавнику, которымъ онѣ снабжены на спинѣ и который при неглубокомъ плаваніи почти всегда выставляется наружу. Этотъ небольшой, трепещущій, влажный, прямоугольный треугольникъ, схожій съ парусомъ употребляемымъ итальянскими рыбаками, составляетъ предметъ особой бдительности караульщиковъ. Время отъ времени, какая-нибудь особенно прожорливая акула съ быстротою молніи кидается къ мѣсту дѣйствія производимыхъ поисковъ; сейчасъ-же подымается цѣлая буря оглушительныхъ криковъ. Водолазы, увѣдомленные шумомъ, а также ударами въ дно лодокъ, бросаютъ добычу, спѣша съ ножемъ въ рукахъ, всплыть на поверхность. По большей части, чудовище, испуганное всѣмъ этимъ гамомъ, стрѣлою мчится прочь, торопясь присоединиться къ товарищамъ, обыкновенно плавающимъ невдалекѣ. Единственно вѣрнымъ средствомъ защиты противъ акулы можно считать только ножъ, такъ какъ пуля, пущенная изъ обыкновеннаго ружья въ 30 шагахъ, сказывается безсильною.

Другая, не менѣе опасная рыба, это типтера, родъ морского «чорта», плоская, широкая, громадныхъ размѣровъ и чрезвычайно лакомая до человѣческаго мяса. Вооруженная огромными, внушительными челюстями, эта рыба кромѣ того обладаетъ электрическимъ свойствомъ. Индѣйцы съ ужасомъ говорятъ о томъ чувствѣ совершеннаго онѣмѣнія, которое охватываетъ все существо имѣвшаго несчастье повстрѣчаться съ типтерою; онѣмѣніе это отдаетъ несчастнаго въ полное распоряженіе чудовища. Такъ какъ этотъ непріятель предпочитаетъ держаться глубины, то караульщикамъ, понятно, нѣтъ возможности предупредить водолазовъ и каковы бы ни были ловкость и находчивость послѣднихъ — внезапная слабость беретъ верхъ, кровь бьетъ въ виски, въ ушахъ шумитъ, легкія словно сдавлены... Вотъ обыкновенныя уловки типтеры: забравшись на мѣсто ловли, она растягивается на днѣ въ ожиданіи добычи и мало-по-малу зарывается въ песокъ. По прибытіи лодокъ первый водолазъ, ей подвернувшійся, вдругъ замѣчаетъ, что вода помутилась вокругъ него, движенія его парализуются сильнымъ толчкомъ, внезапно имъ испытаннымъ. Тогда чудовище охватываетъ свою жертву и, какъ бы тисками, начинаетъ сдавливать ее; далѣе, протащивъ нѣкоторое пространство, всей массой наваливается на бѣдняка, котораго душитъ прежде, чѣмъ сожретъ. Эта мрачная, подводная драма въ состояніи повліять и на менѣе, чѣмъ у индѣйца, расположенное къ суевѣрію воображеніе; индѣецъ же считаетъ типтера съ ея фосфоризаціей, съ непонятною ему силою электричества, чѣмъ-то сверхъестественнымъ.

Встрѣчается еще пила-рыба, изъ того же семейства морскихъ собакъ, но уже не столь опасная; затѣмъ спруты, достигающіе иногда значительныхъ размѣровъ; ихъ водолазы Кондальчской бухты не боятся, отлично изучивъ искуство наносить имъ такой ударъ, отъ котораго тѣ сразу приходятъ въ состояніе полнаго безсилія.

Цейлонцы чрезвычайно суевѣрны; во всемъ имъ мерещится сверхъестественное и я закончу свой очеркъ сообщеніемъ истиннаго происшествія, случившагося годъ тому назадъ въ Колангской бухтѣ, на Малабарскомъ берегу.

Между прибрежными водолазами особенно выдѣлялся какъ красотой, такъ и искуствомъ ныринія молодой цейлонецъ, по имени Ноэли. Разбогатѣвъ своимъ ремесломъ, онъ вездѣ являлся въ великолѣпномъ нарядѣ; даже работая, онъ кидался въ воду не иначе, какъ имѣя на шеѣ, на рукахъ и на ногахъ кораловыя украшенія затѣйливой отдѣлки.

Ноэли служилъ на суднѣ Моораха, человѣка испытаннаго мужества, вѣкъ свой пробывшаго водолазомъ; вынужденный прекратить это занятіе вслѣдствіе припадковъ удушья, временами имъ овладѣвавшихъ, Моорахъ купилъ судно, нанялъ рабочихъ и, такимъ образомъ, съ помощью другихъ продолжалъ занятіе, къ которому привыкъ съ дѣтства.

Ноэли былъ любимцемъ Моораха; обоихъ связывали чисто братскія отношенія. Все у нихъ было общее; вмѣстѣ они и спали и ѣли, и почти никогда не разлучались.

Однажды, въ прелестное майское утро, Ноэли, уже разъ 5 нырявшій и возвращавшійся на поверхность Колангской бухты, вдругъ снова выплылъ, крича:

— Царица водъ! Царица водъ! Я видѣлъ ее! Она тамъ!

Ноэли разсказалъ, что, спустившись на дно бухты, онъ увидѣлъ шагахъ въ двухъ отъ себя существо красоты неописанной; одежда на немъ блистала золотыми украшеніями и драгоцѣнностями; большіе, черные глаза были открыты, а обнаженныя, простертыя впередъ, прелестныя руки, казалось, манили въ свои объятія. Первымъ чувствомъ Ноэли было крайнее изумленіе; но вслѣдъ затѣмъ мелькнувшее сознаніе подсказало ему, что царица водъ увлечетъ его въ свои глубокіе гроты и тогда не видать ужь ему никогда болѣе красавицы Комеа, его возлюбленной. Отбросившись назадъ, онъ дернулъ за веревку и всплылъ наверхъ.

— А хороша она, прибавилъ Ноэли; — хороша, какъ гурія Магометова рая!

Моорахъ обозвалъ своего друга и товарища безумцемъ; убѣждалъ, что все это ему пригрезилось, что никакой царицы водъ не существуетъ, да и существовать не можетъ. Ноэли возражалъ, что онъ увѣренъ въ томъ, что видѣлъ, что не люби онъ Комеа, онъ обожалъ бы божественное созданіе, явившееся ему на днѣ бухты.

Какъ бы тамъ ни было, онъ объявилъ однако, что въ этотъ день онъ болѣе не намѣренъ возобновлять своей работы.

Возвратившись въ хижину Моораха, Ноэли отказался отъ пищи; остатокъ дня онъ былъ задумчивъ, сосредоточенъ и, какъ только наступилъ вечеръ, торопливо бросился на цыновку, служившую ему постелью, прося у сна забвенія мыслей, его удручавшихъ. Вѣки его сомкнулись, но мечты не отлетѣли и въ смутномъ забытьи онъ продолжалъ грезить о подводномъ видѣніи, такъ сильно повліявшемъ на него. Моорахъ, отдыхавшій рядомъ съ своимъ другомъ, слышалъ какъ тотъ безсвязно шепталъ что-то и, наконецъ, отчетливо произнесъ:

— Нѣтъ, я долженъ снова увидѣть ее. Я люблю ее!

На слѣдующее утро Моорахъ напомнилъ своему другу слова, произнесенныя имъ во снѣ. Ноэли ничего не отвѣтилъ и грустный, молча, послѣдовалъ за хозяиномъ, направлявшимся къ своимъ обычнымъ занятіямъ.

Прибывъ на мѣсто ловли, Ноэли просилъ, какъ милости, позволить ему первому нырнуть на дно бухты и, быстро схвативъ двойную веревку, погрузился въ зеленую влагу, которая, раздавшись, чтобы принять его, съ тихимъ плескомъ закрылась надъ нимъ.

Прошло 5 минутъ — Ноэли не возвращался; казалось, его услаждало подводное пребываніе; прошла еще минута... Моораха начало безпокоить такое необычное промедленіе: онъ волновался.

— Послушай, обратился онъ къ одному изъ водолазовъ, — ступай и узнай, если можешь, что сталось съ Ноэли.

Не говоря ни слова, послушный индѣецъ бросился въ море и какъ камень исчезъ подъ водою. 3 минуты спустя, задрожала сигнальная веревка, вынырнулъ посланный — на немъ лица не было.

— Я видѣлъ Ноэли, началъ онъ, отъ страха не попадая зубъ на зубъ, — онъ сдѣлался жертвой царицы водъ.

Такой отвѣтъ показался Моораху до того лишеннымъ смысла, что онъ положилъ себѣ, во что бы то ни стало, распутать нити этого таинственно-страннаго приключенія. Онъ кликнулъ трехъ лучшихъ, изъ бывшихъ съ нимъ, водолазовъ и сказалъ:

— Вы всѣ друзья Ноэли; вы не захотите, чтобы онъ остался подъ водою; я разсчитываю на васъ: найдите его... вырвите друга изъ рукъ морского божества, которое хочетъ увлечь его въ свое царство! Клянитесь не возвращаться безъ Ноэли!

Всѣ трое подняли руки, торжественно давъ требуемую клятву. Потомъ, одинъ мигъ — и ихъ скрыла пучина.

Прошло 4 минуты, показавшіяся Моораху вѣчностью, такъ велико было его нетерпѣніе узнать участь, постигшую друга.

Наконецъ, усмотрѣно движеніе подъ водою, затѣмъ движеніе сообщилось поверхности: показалась сперва голова, потомъ другая, далѣе руки... Вотъ уже всѣ трое посланныхъ вынырнули и между ними въ срединѣ какая-то странная масса. Масса эта — женщина въ восточномъ нарядѣ, унизанномъ драгоцѣнностями. На головѣ у нея золотая корона съ брилліантами, въ рукахъ безчувственное тѣло Ноэли, котораго смерть уже коснулась своимъ дыханіемъ.

Женщина, добытая такъ неожиданно со дна морского, была, конечно, трупомъ; но разложеніе еще не коснулось ея красоты, которая такъ была поразительна, что едва-ли въ какой-либо части свѣта можно было встрѣтить формы болѣе совершенныя, очертанія лица болѣе тонкія, нѣжныя. Она, которую искатель жемчуга, Ноэли, принялъ за царицу водъ, оказалась добычею моря, занесенною въ эти мѣста какими-нибудь подводными, морскими теченіями.

Кто была она? Никто не зналъ. Моорахъ распорядился перевезти на сушу оба тѣла и, его попеченіями набальзамированныя, они были погребены рядомъ въ одной и той же пагодѣ.

Тайна не раскрывалась: прекрасная незнакомка, утопленница Колангской бухты, была чужда всѣмъ, приходившимъ любоваться на сохранившуюся еще красоту ея смертныхъ останковъ.

Однажды, около мѣсяца спустя послѣ разсказаннаго нами трагическаго событія, паланкинъ, несомый 4-мя индѣйцами, предшествуемый и окруженный толпою невольниковъ, неожиданно остановился у входа въ хижину Моораха. Одинъ изъ слугъ богатаго обладателя паланкина подошелъ къ хозяину хижины и отъ имени своего повелителя обратился къ нему съ вопросомъ: не встрѣчали-ли въ этихъ мѣстахъ гурій, мѣсяцъ тому назадъ покинувшей отчій домъ?

— Вотъ уже болѣе года, отвѣчалъ Моорахъ, — ни одна сторонняя женщина не проходила здѣсь. Развѣ кто изъ здѣшнихъ?..

— Да я не объ нихъ тебя спрашиваю, продолжалъ слуга; — я говорю о несравненной жемчужинѣ — дочери короля. Мой повелитель — верховный обладатель острова Цейлона; его единственная дочь вотъ уже 35 дней какъ исчезла и онъ обращается ко всѣмъ своимъ подданнымъ: гдѣ прекрасная Нооро?

Вспомнилось Моораху таинственное приключеніе и онъ разсказалъ королю событіе, случившееся около мѣсяца тому назадъ въ Колангской бухтѣ. Открыли гробъ, зарытый въ пагодѣ, и глазамъ несчастнаго отца предстала та, которую онъ оплакивалъ, но въ ужасномъ, разложившемся видѣ, не смотря на ароматы, которыми тѣло ея было набальзамировано. Только по сохранив-

шейся одеждѣ, да драгоцѣнностямъ, онъ и могъ узнать въ этомъ трупѣ свою дочь.

Нооро, отправившись на джонкѣ съ цѣлью посѣтить священныя мѣста Ягернанта, внезапно исчезла въ виду Колангской бухты; какъ только на суднѣ замѣчено было ея отсутствіе, кормчій тотчасъ вернулся обратно въ портъ.

Тогда-то король, не будучи въ состояніи примириться съ мыслію о какомъ-либо несчастіи, надѣясь, что Нооро кѣмъ-нибудь спасена или сама вплавь достигла берега, предпринялъ свои поиски, которые привели его въ Колангъ.

Похороны дочери повелителя Цейлона оказались достойными ея сана. Что же касается бѣднаго искателя жемчуга, Ноэли, онъ остался одинокимъ въ своей могилѣ, далеко отъ той, которой пожертвовалъ всѣмъ: и жизнью, и возлюбленной.

Золото и имя.

(Романъ г-жи **Шварцъ**.)

(*Продолженіе*.)

III.

На другой день Армида не могла принять участія въ удовольствіяхъ, устроенныхъ молодыми для родственниковъ; нѣсколько дней она по болѣзни не выходила изъ своей комнаты. Однажды, передъ обѣдомъ, на дворъ Тимасіо въѣхалъ экипажъ, изъ котораго выскочилъ капитанъ Штромъ, приказавъ доложить о себѣ дѣвицѣ Армидѣ. Вернувшійся слуга провелъ его въ залу, сказавъ, что барышня сейчасъ выйдетъ.

Капитанъ остановился передъ портретомъ маркизы, какъ бы припоминая что-то тяжелое, грусть выразилась на его лицѣ.

— Ты была великодушной женщиной, не мелочного характера! прошепталъ онъ.—Миръ твоему праху!

Вошла Армида и прервала нить его размышленій. Перенесенное горе разомъ состарило Армиду лѣтъ на десять, но капитанъ, казалось, не замѣтилъ въ ней этой перемѣны.

— Я пріѣхалъ къ вамъ, сказалъ капитанъ, послѣ первыхъ привѣтствій,—съ цѣлію получить свѣденія о леди Кастертонъ; я обратился къ вамъ, какъ къ искреннему другу миледи. Надѣюсь, я не ошибся, расчитывая на васъ?

— Смотря по тому, какого рода свѣденія вамъ нужны, отвѣчала она, почувствовавъ злость и страданіе при имени Эльвиры.

— Дѣло касается отъѣзда леди.

— Съ удовольствіемъ готова услужить вамъ.

— Не знаете-ли вы, отчего супруги разъѣхались?

— Не знаю, отвѣчала Армида, мѣняясь въ лицѣ отъ пристальнаго взора капитана.

— Будьте такъ добры, припомните хорошенько, сказалъ капитанъ и въ тонѣ его голоса слышалось раздраженіе. — Кажется, получивъ письмо отъ моей жены, переданное вами, лордъ посѣтилъ Скокгофъ наканунѣ отъѣзда.

— Если это уже извѣстно вамъ, то, право, я не понимаю, къ чему служатъ дальнѣйшія разспросы.

— Поймите меня пожалуйста, я желаю получить свѣденія о томъ, что произошло между супругами по возвращеніи лорда изъ Скокгофа. Я буду очень благодаренъ вамъ, если вы дадите мнѣ какое-нибудь объясненіе.

— Мнѣ извѣстно только, что, возвращаясь изъ Скокгофа, лордъ встрѣтился со мною и спросилъ, не видала-ли я его жены? Я отвѣчала, что она отправилась въ Альтропъ; лордъ приказалъ своему кучеру ѣхать туда же. На другой день онъ покинулъ Тимасіо.

— Значитъ онъ поѣхалъ въ Альтропъ по вашему указанію, замѣтилъ капитанъ.—Благодарю васъ за это извѣстіе.

— Я не знала, что васъ такъ интересуетъ леди Кастертонъ! Я думала, что вы съ нею почти незнакомы.

— Да, свѣтъ ошибается во многомъ, прервалъ ее капитанъ.—Я знаю леди Кастертонъ настолько, что ни къ одному живому существу не чувствую большей привязанности! Не будете-ли вы такъ добры, сказать мнѣ еще, долго-ли оставалась миледи по отъѣздѣ лорда?

— Только одинъ день. На другой же день она уѣхала съ м-съ Бровъ. Передъ отъѣздомъ она предложила мнѣ остаться здѣсь и распоряжаться, какъ дома.

— Вы не получали отъ нея извѣстій?

— Отъ леди никакихъ. М-съ Бровъ писала, чтобы мы не безпокоились, если долго не будемъ получать извѣстій, такъ какъ леди намѣрена предпринять путешествіе на югъ.

Поблагодаривъ еще разъ, капитанъ всталъ, намѣреваясь удалиться.

— Я забыла сказать вамъ, что Лотти получила письмо отъ миледи, сказала Армида, удерживая его. — Можетъ быть, вамъ удастся узнать что-нибудь отъ Лотти.

Армида пристально посмотрѣла на капитана, желая узнать, какое впечатлѣніе произведетъ на него это имя.

— Лотти! Кто это такая? спросилъ капитанъ равнодушнымъ голосомъ.

— Воспитательница леди; если желаете, я прикажу позвать ее сюда.

Капитанъ согласился и чрезъ нѣсколько минутъ Лотти вошла въ залу. Армида съ удивленіемъ увидала, что капитанъ не произвелъ на нее никакого впечатлѣнія. Лотти повторила слова Армиды. Леди писала изъ Лондона о намѣреніи предпринять путешествіе въ южную Европу, прося Лотти не безпокоиться въ случаѣ долгаго неполученія писемъ.

Капитанъ узналъ очень мало, но при отъѣздѣ выраженіе его лица было спокойнѣе. Онъ просилъ Армиду не забывать жены; онъ былъ такъ предупредителенъ, что Армида нашла его очень любезнымъ.

Черезъ нѣсколько дней Армида посѣтила Марту, намѣреваясь заговорить о письмѣ Карла; никто, исключая Марты, не могъ извѣстить его объ ея двойной игрѣ. Встрѣтивъ ее, капитанъ провелъ ее къ женѣ и ни на минуту не удалялся изъ комнаты; онъ казался до того влюбленнымъ въ Марту, что не могъ съ нею разстаться ни на минуту. Армидѣ бросилась въ глаза холодность обращенія капитана съ полковникомъ. Вообще высокомѣрный полковникъ сильно поразилъ ее, оказывая зятю необыкновенную внимательность, не соотвѣтствующую его настоящему характеру. Вернувшись домой, она не могла понять, какой силой капитанъ управлялъ окружающими. Что могло принудить Марту, любившую Кастертона, отдать руку этому таинственному человѣку, не обладавшему ни знатнымъ именемъ, ни молодостью?

Существуютъ люди, у которыхъ интересъ къ чужимъ дѣламъ, потребность вмѣшиваться въ отношенія постороннихъ, доходитъ до страсти. Они забываютъ свои непріятности и страданія; имъ кажется жизненною потребностью открывать тайны друзей, родственниковъ и заводить интриги, доводящія до скандаловъ; Армида была именно такова. Она не могла успокоиться, не вывѣдавъ подозрѣваемой тайны; ей доставляло удовольствіе запутывать дѣла ближнихъ. Горькая печаль ея, отъ потерянной надежды, успокоивалась при мысли, найти средство отомстить Мартѣ, которую она считала виновницей всѣхъ своихъ страданій.

Присутствіе капитана помѣшало ей излить свой гнѣвъ на Марту. Черезъ нѣсколько дней, она опять поѣхала въ Скокгофъ. Капитанъ встрѣтилъ ее какъ въ первый разъ, увѣряя, что очень радъ видѣть ее. «Я найду случай переговорить съ Мартою», подумала Армида, но и на этотъ разъ ошиблась; капитанъ провелъ все время въ ихъ обществѣ, онѣ двухъ словъ не могли сказать наединѣ. Послѣ этого, раздосадованная Армида болѣе недѣли не выѣзжала изъ Тимасіо, строя планы, какъ бы пожесточе отомстить Мартѣ. Наконецъ, въ концѣ октября, она поѣхала въ Скокгофъ. По дорогѣ она встрѣтила лакея изъ Скокгофа и узнала, что капитанъ отправился въ Альтропъ. Отсутствіе капитана было какъ нельзя болѣе кстати и довольная Армида продолжала свой путь въ Скокгофъ. «Наконецъ-то, думала она, — мнѣ удастся увидѣть Марту наединѣ и соообщить ей, что капитанъ, интересуясь Эльвирою, пріѣзжалъ нарочно въ Тимасіо, съ цѣлью поговорить объ ней». По пріѣздѣ въ Скокгофъ, она торопливо выпрыгнула изъ экипажа, но не успѣла дойти до сѣней, какъ на дворъ галопомъ въѣхалъ капитанъ.

— Вы пріѣхали какъ разъ во время, сказалъ онъ, подавая ей руку. — Моя жена не совсѣмъ здорова и ей необходимо развлеченіе.

Онъ помогъ Армидѣ снять шляпу и мантилью, упрашивая остаться до вечера и обѣщаясь проводить ее домой. Она живо согласилась, надѣясь найти возможность переговорить съ Мартою. Но ея подруга видимо была не довольна ея посѣщеніемъ, потому что, увидавъ ее, нахмурилась.

Поцѣловавъ жену, капитанъ вышелъ изъ комнаты.

— Марта! воскликнула Армида, — какою низостью удалось тебѣ увѣрить Карла, что...

Дверь отворилась, вошелъ капитанъ съ предложеніемъ перейти въ угловую комнату.

— Та комната гораздо пріятнѣе этой, сказалъ онъ;—она съ прекраснымъ видомъ на море; я увѣренъ, вамъ тамъ будетъ уютнѣе, чѣмъ въ маленькомъ кабинетѣ. Каково твое мнѣніе, мой ангелъ? обратился онъ къ Мартѣ.

— Я вполнѣ согласна съ тобою, отвѣчала она, взявъ его подъ руку.

Угловая комната, прежняя библіотека, обратилась въ рабочій кабинетъ; здѣсь находились: фортепьяно, письменный столъ, полка съ гравюрами, рабочій столикъ, шкапъ съ книгами и нѣсколько маленькихъ дивановъ. Марта сѣла на одинъ изъ нихъ, къ окну, Армида на кресло, капитанъ за письменный столъ, недалеко отъ дамъ. Завязавшійся разговоръ шелъ очень вяло.

Послѣ обѣда, переставъ писать, капитанъ сѣлъ около дамъ, шутилъ съ Армидою, рисовалъ карикатуры разныхъ знакомыхъ; рисунки его были до того смѣшны, что даже Марта смѣялась.

Полковникъ сидѣлъ у одного изъ отдаленныхъ столовъ, читая только что полученныя газеты, отъ времени до времени онъ посматривалъ на смѣющагося, весело болтающаго зятя. Капитанъ, вынимая рисунки изъ портфеля, показывалъ ихъ Армидѣ:

— Вотъ мой любимый эскизъ. Я очень сожалѣю, что не имѣлъ возможности нарисовать эту прелестную головку; этотъ недоконченный эскизъ мнѣ удалось нарисовать однажды въ итальянской оперѣ, забравшись въ ложу напротивъ оригинала, сказалъ капитанъ, держа рисунокъ передъ глазами Армиды.—Случалось-ли вамъ видѣть лице пріятнѣе, прелестнѣе этого; оно способно свести съ ума всѣхъ мужчинъ, а болѣе всего художника. Я никогда не забуду впечатлѣнія, произведеннаго на меня этой женщиной при первой нашей встрѣчѣ.

Марта низко нагнулась къ работѣ.

— Вы вѣрно согласитесь, продолжалъ капитанъ,—что только каменное сердце способно причинить боль и страданіе этому ангелу; только злѣйшая натура въ силахъ вызвать слезы на эти глаза, полные сердечной доброты. Какой че-

ловѣкъ, увидавъ ее, въ состояніи не полюбить ея, надо быть демономъ, чтобы, живя съ нею, вредить ей. Не правъ-ли я, м-ль Армида? спросилъ капитанъ, убирая рисунокъ въ портфель.

Не смотря на полное нежеланіе, Армида принуждена была согласиться.

— Кстати о леди Кастертонъ, продолжалъ капитанъ,—г. Брогренъ уѣхалъ въ Константинополь.

— Какая странная случайность! замѣтила Марта.—Леди какъ будто сговорилась съ нимъ.

— Она презираетъ его; тебѣ, какъ и м-ль Армидѣ, хорошо извѣстно, какъ леди избѣгала навязчивости Брогрена. Онъ изъ оскорбленнаго тщеславія преслѣдовалъ ее и наконецъ рѣшился на дуэль, лишившую жизни сэра Сиднея. Впрочемъ, Брогренъ уже наказанъ за свою безсовѣстность.

Имя Карла больно отозвалось въ душѣ Армиды.

— Не хотите-ли выслушать интересное извѣстіе изъ Крыма, сказалъ полковникъ, читавшій газету.

— Прочтите, отвѣчалъ капитанъ.

«Нашимъ читателямъ извѣстно, что многія добродѣтельныя, французскія и англійскія дамы, послѣдовали за союзными войсками, съ цѣлью ухаживать за ранеными, прочелъ полковникъ.— Онѣ покинули родину, удобства жизни, подвергаются лишеніямъ, утомленію, неразлучнымъ съ

УЛИЧНЫЕ ТИПЫ.

Арфистка (въ старости).

Рѣзала на деревѣ **г-жа Гладышева**, въ С.-Петербургѣ.

войною. Въ числѣ богатыхъ англичанокъ, принявшихъ на себя роль сестеръ милосердія, находится леди Кастертонъ...

Слушатели вскрикнули отъ удивленія. Капитанъ, подойдя къ полковнику, всталъ за его стуломъ, читая черезъ его плечо. Полковникъ продолжалъ:

«Не думая объ опасности, она находилась среди огня во время битвы при Альмѣ; сраженіе приближалось къ концу; русскіе начали отступать, когда пуля попала мужественной женщинѣ, нагнувшейся надъ раненымъ, между плечами, двѣ другія размозжили ей голову».

Капитанъ болѣзненно застоналъ, полковникъ вздрогнулъ, посмотрѣвъ на помертвѣлое лице зятя.

— Верховой привезъ письмо изъ Стокгольма, отъ французскаго посланника, къ г. капитану, сказалъ вошедшій слуга.

Капитанъ ничего не слышалъ.

— Что съ тобою, зять? Мнѣ кажется, ты не совсѣмъ здоровъ?

Ничего не отвѣчая, капитанъ спокойнымъ шагомъ подошелъ къ лакею.

— Ждутъ отвѣта? спросилъ онъ, взявъ письмо.

— Нѣтъ, письмо прислано съ кабинетною почтою, посланному приказано немедленно передать его г. капитану.

— Хорошо, дайте ему на водку, приказалъ капитанъ.

Бросившись на диванъ, онъ провелъ рукою по

РУССКАЯ ГАЛЕРЕЯ.

РИСУНОКЪ КЕППЕНА.

Передъ дождемъ.

Рѣзано на деревѣ въ «Варшавской политипажнѣ».

глазамъ; прочитавъ нѣсколько строкъ, онъ глубоко вздохнулъ, закрывъ лице руками. Долго просидѣлъ онъ унылый и мрачный.

Полковникъ снова принялся за чтеніе газетъ, Марта казалось плакала, облокотясь на подушку, Армида, точно окаменѣла, смотря по очереди на капитана, полковника и Марту. Въ комнатѣ воцарилась тишина.

— Что съ тобою, Марта, ты кажется плачешь? спросилъ наконецъ капитанъ, глухимъ голосомъ, подойдя къ женѣ.—Ты сожалѣешь о смерти леди Кастертонъ?

— Да, отвѣчала Марта, смотря на него.

Съ лица ея исчезло обычное выраженіе гордости; въ ней говорили теперь только хорошія чувства. Посмотрѣвъ на нее, капитанъ обернулся къ Армидѣ.

— Если вамъ угодно отправиться домой, м-ль, я прикажу кучеру закладывать, вы извините меня, если я самъ не провожу васъ, сказалъ онъ, кланяясь, и удалился изъ комнаты.

Теперь, когда желаніе Армиды остаться наединѣ съ Мартою исполнилось, у нея не хватало духа заговорить о прошломъ.

Какъ ни дуренъ человѣкъ, а извѣстіе о смерти всегда произведетъ непріятное впечатлѣніе. Армида не могла сомкнуть глазъ въ эту ночь; казалось, кто-то безпрерывно повторялъ ей, что она виновница ранней смерти Эльвиры, потому что она своими интригами заставила несчастную женщину искать убѣжища въ опасностяхъ войны. Какъ ни вертѣлась она въ своей постелѣ, передъ нею все стояла Эльвира, съ грустнымъ лицемъ спрашивая: «За что причинила ты мнѣ столько горя?» Что выиграла она сама отъ этой злости? Презрѣніе и отвращеніе единственнаго ею любимаго существа.

Настало утро, солнце не свѣтило, воздухъ былъ тяжелъ и мраченъ. Поднявшись съ постели, усталая, убитая, Армида только что одѣлась, намѣреваясь идти въ столовую, какъ вдругъ въ комнату съ шумомъ вбѣжала Лотти, держа газету въ рукахъ.

— Что это? кричала она,—что такое написано въ этой газетѣ?.. Нѣтъ это не правда... вѣрно ошибка.. невозможно! Прочтите!.. Прочтите!

Протянувъ Армидѣ газету, она, рыдая, бросилась на постель.

— Да говорите же, что это не могло случиться, что газеты врутъ, или я сойду съ ума! Отецъ Небесный! не могъ Ты такъ строго наказать твою покорную слугу; Ты не могъ отнять ее у меня прежде, чѣмъ...

Рыданія заглушили ея голосъ; Армида всѣми силами старалась успокоить ее, но слова ея казалось увеличивали страданія Лотти; видя, что она вовсе не годилась въ утѣшительницы; видя, что ей не справиться, Армида приказала отвести Лотти въ ея комнату и послать за докторомъ. Не успѣлъ посланный удалиться, какъ на дворъ въѣхалъ пасторъ, спрашивающій Лотти; онъ холодно, но вѣжливо поклонился Армидѣ, и пожелалъ остаться наединѣ съ Лотти. Со страхомъ направилась Армида къ комнатамъ большого зданія, гдѣ все ей напоминало доброту Эльвиры.

Фредерику скоро удалось успокоить Лотти, и она, переставъ плакать, объявила ему, что сверхъ горя у нея есть еще тяжесть на сердцѣ, есть тайна, которую она желаетъ открыть.

Мы не позволимъ себѣ подслушивать исповѣдь Лотти, которую она заключила слѣдующими словами:

— Мнѣ кажется я сильно согрѣшила, скрывъ отъ Эльвиры все, что относится къ ея рожденію; вспоминая, какъ въ послѣдній вечеръ передъ отъѣздомъ, она сошла ко мнѣ съ просьбою сообщить ей объ ея матери, какое преступленіе та совершила, я никакъ не могу простить себѣ, что не исполнила ея просьбы. «Еслибы ты ранѣе сообщила мнѣ, что я дочь преступницы, сказала она,—я никогда не вышла бы замужъ за лорда Кастертона».

IV.

Вернемся въ Скогкофъ, въ тотъ вечеръ, когда Армида покинула его. Грустная, задумчивая сидѣла Марта, оставшись наединѣ съ полковникомъ.

— Марта, сказалъ онъ, пристально смотря на любимое дитя,—она умерла; судьба избавила насъ отъ нея.

— Избавила! повторила Марта, подойдя къ отцу, и положивъ руку на его плечо.—Скажи лучше, наконецъ удалось намъ довести ее до того, что она сама пошла на смерть. О еслибы я не питала къ ней ненависти, я не причинила бы ей столько страданій!

— Что съ тобою, Марта? сказалъ полковникъ, обнявъ дочь.—Ты совсѣмъ перемѣнилась! Ты-ли говоришь такія нѣжности? Замѣть, Эльвира, живая, была намъ опаснымъ врагомъ, мертвая же она безопасна. Правда, твое прежнее желаніе не можетъ исполниться; ты связана съ этимъ человѣкомъ, который...

Онъ остановился, смявъ газету.

— Который обладаетъ желѣзною силою воли и рѣшился мстить за Эльвиру, подсказала Марта, горько улыбаясь.—Мы его рабы, больше ничего.

— Я желаю дожить до того дня, продолжалъ полковникъ,—когда можно будетъ вступить на дернъ, прикрывающій его могилу. Мы не будемъ имѣть покоя, пока онъ живъ! Однако оставимъ разговоръ о немъ, поговоримъ лучше о тебѣ, Марта...

— Что говорить обо мнѣ? прервала она его.—Однажды я читала про двухъ преступниковъ, до того привязанныхъ другъ къ другу, что когда одного изъ нихъ приговорили къ смерти, другой рѣшился на убійство, чтобы его тоже казнили. Читая этотъ разсказъ, я невольно подумала о насъ. Мы оба позволяли себѣ поступки, нетерпящіе ближайшаго изслѣдованія и не внушающіе уваженія; мы тоже сильно привязаны другъ къ другу. Говорятъ будто дружба не можетъ существовать безъ уваженія; я никогда не уважала тебя, видя въ тебѣ человѣка безъ сердца, но все-таки люблю настолько, что ради твоего спасенія рѣшилась на этотъ презрѣнный бракъ, сдѣлавшій изъ меня болѣзненную мечтательницу, которая размышляетъ о прошломъ и боится будущаго. Мой мужъ отнялъ у меня энергію и смѣлость, свойственныя моему характеру. Я кажусь себѣ львицей, запертой въ узкой клѣткѣ; при смѣломъ шагѣ я наталкиваюсь на рѣшетку, если же пробую сломать ее, то теряю силы. Я жалуюсь на тебя, сержусь на мою любовь къ тебѣ!

— Да, Марта, я не узнаю тебя, сказалъ полковникъ, съ безпокойствомъ смотря на дочь.—Ты, красавица, богато одаренная природою, позволяешь управлять собою ненавистному человѣку! Положимъ необходимость принудила тебя сдѣлаться его женой; что-же теперь принуждаетъ тебя быть его рабой? Съ той минуты, когда онъ рѣшился соединиться съ тобою, онъ лишилъ себя возможности вредить тебѣ.

— Можетъ-ли это, помѣшать ему сдѣлать тебѣ вредъ?

— Марта, я уже давно жду тебя, сказалъ вошедшій капитанъ.

Нѣсколько минутъ Марта смотрѣла на его зеленовато-блѣдное лице, какъ бы намѣреваясь не обратить вниманія на его слова, но, одумавшись, протянула руку отцу и сказавъ: «Покойной ночи!» подошла къ капитану.

— Пойди въ твою комнату, Марта, сказалъ Штромъ,—мнѣ нужно поговорить съ твоимъ отцомъ.

— То, что ты хочешь сказать отцу, не можетъ быть тайною для дочери, сказала она остановясь.—Я не уйду изъ комнаты безъ тебя.

— Марта, сказалъ Штромъ, какъ бы удивляясь ея сопротивленію, — я желаю, чтобы ты ушла. Гораздо будетъ лучше, если то, что я скажу ему, останется между нами. Иди, я скоро кончу. Ты настолько умна, что поймешь, какъ мнѣ непріятно будетъ вывести тебя изъ комнаты.

Посмотрѣвъ сначала на отца, потомъ на мужа, Марта вышла.

Заперевъ двери на ключъ, во избѣжаніе подслушиванія, Штромъ вернулся къ полковнику, боязливо сидѣвшему, откинувшись на креслѣ.

Мускулистая фигура капитана сильно разнилась отъ маленькой худой сгорбленной фигуры полковника; зоркіе рѣшительные глаза Штрома составляли рѣзкій контрастъ съ нетвердымъ, коварнымъ взглядомъ полковника. Нѣсколько времени Штромъ съ горечью смотрѣлъ на тестя, какъ бы желая уничтожить его.

— Полковникъ Стангенскіольдъ, сказалъ онъ глухимъ голосомъ,—вы твердо должны помнить обстоятельства, заставившія вашу дочь сдѣлаться моей женою. Если еще разъ вы вздумаете говорить съ нею, какъ говорили сейчасъ при моемъ входѣ, я позвѣщу всему свѣту, какой вы жалкій человѣкъ! Совѣтую вамъ быть осторожнѣе и оставить при себѣ ненависть ко мнѣ. Не смѣйте произносить имени леди Кастертонъ, если не желаете, чтобы я громко провозгласилъ, за что вы учили дочь преслѣдовать ее.

Полковникъ позеленѣлъ; вообще не изъ особенно храбрыхъ, онъ особенно боялся разговоровъ наединѣ съ зятемъ. Капитанъ прошелся нѣсколько разъ по комнатѣ, желая овладѣть своимъ гнѣвомъ.

— Я завтра уѣзжаю изъ Скогкофа, продолжалъ капитанъ,—съ цѣлью предпринять дальнее путешествіе; вы съ Мартой останетесь здѣсь.—Путешествіе мое можетъ быть очень продолжительно, можетъ случиться, что я не вернусь, чему былъ бы очень радъ, но я постараюсь лишить васъ возможности причинять несчастье другимъ. Вы съ Мартою будете жить здѣсь до тѣхъ поръ, пока я не напишу вамъ о перемѣнѣ вашего мѣста жительства. Никакое разстояніе не помѣшаетъ мнѣ узнать о непослушаніи; вамъ извѣстно, какъ я поступлю въ такомъ случаѣ. Хвастайтесь вашими прекрасными дѣйствіями, тѣмъ, что вамъ удалось сдѣлать изъ дочери достойный портретъ отца. Однакожь, несмотря на ваши старанія, у нея еще есть сердце. Вы радовались смерти леди Кастертонъ; знайте, одни ея просьбы могли улучшить положеніе вашей дочери. Теперь примирительная связь уничтожена; повѣрьте, настанетъ день, когда вы пожелаете, чтобы она встала изъ гроба и защитила васъ.

По удаленіи капитана, полковникъ походилъ на ребенка, испуганнаго призракомъ.

Марта, имѣвшая недостатки отца, съ малолѣтства получила воспитаніе, которое должно было сдѣлать изъ нея женщину, не имѣющую никакихъ чувствъ, никакого состраданія къ ближнимъ, а увлекающуюся минутными впечатлѣніями и страстями. Все, стоящее ей на дорогѣ, слѣдовало уничтожать; какъ ни безсмысленно было ея требованіе, всѣ должны были подчиняться ему. Избалованная отцемъ, боготворившимъ ее, и матерью, ничего не значущей въ семействѣ, Марта развила въ себѣ до крайнихъ размѣровъ высокомѣріе и эгоизмъ. Хорошенькая, не глупая Марта рано стала обращать на себя вниманіе мужчинъ, что еще болѣе увеличило ея тщеславіе; она полюбила интриги, занимавшія ея воображеніе. Не привыкнувъ повиноваться отцу или матери, она была тираномъ всего дома, требующимъ исполненія ея малѣйшихъ капризовъ. Одинъ отецъ любилъ своенравную, вспыльчивую, не

добрую Марту, за то и она была привязана къ нему, какъ къ лучшему другу. Не остерегаясь, могла она говорить съ нимъ, довѣрять ему все, не боясь осужденія, могла расчитывать на его помощь и защиту. Въ этой привязанности была доля эгоизма, но обладая большею силою воли и мужествомъ, Марта съ своей стороны готова была на всякую жертву. Если бы кто-нибудь постарался развить ея хорошія качества, она могла быть другой женщиной. Она не могла оцѣнить доброту и скромныя добродѣтели, не симпатизировала сердечнымъ страданіямъ, нравственнымъ заслугамъ, но увлекалась и удивлялась храбрости, рѣшительности и великодушію. Она восхищалась всѣмъ необыкновеннымъ, но не могла плакать со страждующими или восторгаться жертвой. Чувство къ возвышенному, развилось въ ней слишкомъ односторонне. Оно привлекло ее къ Кастертону; она удивлялась лорду, какъ рѣдкому оратору; ей нравилось его великосвѣтское обращеніе и ей захотѣлось быть его женою. Намѣреваясь достичь своей цѣли, она повела интригу, отличавшуюся крайней нравственною жестокостью. Выйдя замужъ за Штрома изъ принужденія, она была поражена его властью и потерею самостоятельности; ее мучила, раздражала мысль, что она не въ силахъ отомстить человѣку, такъ холодно и спокойно распорядившемуся ея судьбою; она надѣялась заставить его поплатиться за жертву, но и это не удалось ей; Штромъ держалъ ее въ извѣстныхъ границахъ, утомляя непоколебимымъ спокойствіемъ и твердостью. У нея пропало всякое расположеніе къ сопротивленію, всякая охота къ спору; она понимала, что была безсильна въ этой борьбѣ съ волей, проявившейся не въ словахъ, а въ дѣйствіяхъ. Штромъ никогда не являлся запальчивымъ, угрожающимъ или повелительнымъ, но постоянно твердымъ. Напоминая ей ежедневно объ ея прошлой жизни, объ ея безсердечности, онъ принуждалъ ее безпрерывно думать о прошломъ. Нѣтъ эгоиста на свѣтѣ, которому могло бы быть пріятно вѣчное напоминаніе о его безчестныхъ поступкахъ. Марта чувствовала иногда отвращеніе къ своему прошлому и униженіе при мысли, что кромѣ ея отца, существуетъ еще человѣкъ, которому извѣстны всѣ ея дурные поступки.

Философія Штрома о непоправимомъ, разбирательство ея дурныхъ качествъ, было чистымъ мученіемъ для Марты, привыкшей къ лести, удивленію и похвалѣ. При этомъ она часто сердилась на отца, но воспоминаніе о его привязанности и любви становилось между нею и злостью, утѣшая ее тѣмъ, что онъ дѣйствительно любитъ ее.

Трудно было представить себѣ перемѣну, происшедшую въ Мартѣ; она стала холодна, равнодушна, уныла, ничѣмъ не интересовалась. День казался ей безконечными часами, прожитыми съ тюремщикомъ, никогда не терявшимъ ее изъ виду. Дни для нея до такой степени походили одинъ на другой, что Марта просыпалась каждое утро съ безпокойствомъ, разсчитывая, скоро-ли настанетъ вечеръ. Получивъ извѣстіе о смерти леди Кастертонъ, она почувствовала потребность переговорить съ отцомъ о женщинѣ, которую постоянно преслѣдовала.

Когда Штромъ прервалъ ихъ разговоръ, прося Марту выйти изъ комнаты, она изъ боязни униженія отцу, хотѣла стать между ними, но, убѣдясь въ тщетности своихъ стараній, удалилась въ свою комнату.

Исполняя свое обѣщаніе, Штромъ недолго бесѣдовалъ съ ея отцомъ; когда мужъ вошелъ въ комнату Марты, она стояла у окна и смотрѣла въ темноту, не шевелясь, хотя слышала его шаги.

— Я пришелъ сказать тебѣ, что уѣзжаю завтра утромъ изъ Скокгофа, въ продолжительное путешествіе, сказалъ Штромъ.

Марта живо повернулась, явно выражая радость этимъ движеніемъ.

— Тебя кажется радуетъ извѣстіе о моей поѣздкѣ?

— Иное могло еще болѣе удивить тебя, отвѣчала Марта, отходя отъ окна.

— Ты права; но не предавайся напраснымъ мечтамъ: вы съ отцомъ останетесь здѣсь.

— Что можетъ меня принудить? спросила Марта.

— Ты принуждена будешь принять во вниманіе мою волю! Впрочемъ, твой отецъ объяснитъ тебѣ, чему вы подвергаетесь, не повинуясь мнѣ, ему извѣстно, съ кѣмъ я уѣзжаю.

Нѣсколько времени капитанъ сидѣлъ задумавшись, свѣтъ отъ стоявшей на столѣ лампы падалъ на его лице; съ унылымъ, грустнымъ выраженіемъ Марта стояла посреди комнаты, устремивъ удивленный взглядъ на него. Ей часто удавалось замѣчать выраженіе злости, вспыльчивости, но никогда унынія или грусти, на лицѣ ея мужа.

«Неужели смерть ея такъ сильно подѣйствовала на него? подумала она. Какія чувства питалъ онъ къ ней? Если любовь, то какъ могъ онъ спокойно смотрѣть, что она принадлежала другому; неужели можно не ненавидѣть человѣка, стоящаго между нами и предметомъ нашей любви?»

— Ты никогда не любила, Марта, сказалъ Штромъ, какъ бы отвѣчая на ея тайныя мысли.— Неизвѣстно, придется-ли тебѣ испытать, да и въ состояніи-ли ты понять это священное серьезное чувство. Однажды мною овладѣла сильная страсть; думая, что невозможно не повиноваться ей, я позволялъ себѣ поступки, оставившіе до сихъ поръ во мнѣ горькія воспоминанія. Много лѣтъ спустя, узналъ я какъ можно любить безъ эгоизма.

Онъ протянулъ ей руку, она машинально дала ему свою.

— Не поддайся я въ настоящее время ненависти и жаждѣ мести, продолжалъ капитанъ,— право я желалъ бы полюбить тебя, мы оба были бы счастливѣе.

Марта горько улыбнулась и отвѣчала.

— Ты улыбаешься, думая, что никогда не можешь полюбить меня, любя Кастертона! Марта, этотъ человѣкъ никогда не любилъ и не полюбитъ тебя. Я какъ-то обѣщалъ тебѣ доказать справедливость моихъ словъ; передъ отъѣздомъ я дамъ тебѣ это доказательство. Любить мужа другой женщины унизительная слабость. Теперь прощай, Марта, будь здорова! Можетъ случиться, что мы не увидимся болѣе, смерть избавитъ тебя отъ мученія видѣть меня, но, Марта, это было бы несчастьемъ какъ тебѣ, такъ и твоему отцу. Я положу сюда письмо, которое докажетъ тебѣ, чѣмъ ты была для Кастертона; можешь сама удостовѣриться, что будь ты не замужемъ, онъ никогда не женился бы на тебѣ. Злостью трудно достичь счастья и благословенія. Прощай! Многое перемѣнится, когда мы опять увидимся.

— Когда ты вернешься и куда ѣдешь?

— Послѣднее — моя тайна; первое — знаетъ одинъ Богъ. Берегись, если до моего возвращенія ты позволишь себѣ дѣйствовать противъ моей воли; трудно тогда будетъ усмирить меня.

И онъ удалился.

— Лучше осушить чашу горечи сразу! прошептала Марта, протягивая со страхомъ руку за письмомъ.— Увѣренность, что онъ велъ со мной неблагородную игру, внушитъ мнѣ по крайней мѣрѣ силу ненавидѣть и презирать его.

(Продолженіе слѣдуетъ.)

Къ рисункамъ.

Арфистка. Вотъ и неприглядная старость этой уличной музыкантши и пѣвицы: все пережилось этою женщиною: и голодъ, и холодъ, и мелкій развратъ, и униженія. Теперь она стала стара и дотягиваетъ кое-какъ свой вѣкъ, шляясь по дворамъ съ арфою и отдыхая въ кабакахъ. Ея платокъ, ея шляпка съ колосьями и макомъ, ея сморщенныя руки, ея беззубый ротъ, даже ея попорченная арфа, издающая такіе же глухіе и дребезжащіе звуки, какъ ея голосъ,— все это говоритъ о давно прошедшихъ годахъ, о позабытой сторонѣ. Но прислушайтесь, что поетъ эта старуха, — и вы услышите не сантиментальные романсы нашихъ бабушекъ, а скабрезные куплеты изъ оперетокъ. Старуха не отстала отъ вѣка и шла впередъ въ притонахъ разгула и паденія... Художникъ превосходно передалъ типичныя черты этой личности.

Замерзающіе. Непріятель напалъ на мирную деревню, жители бѣжали, въ чемъ попало и куда попало, среди бѣглецовъ были и женщины, и дѣти, и раненые мужчины. Но далеко-ли уйдутъ эти измученные люди въ страшный холодъ, не имѣя на плечахъ почти ничего, кромѣ легкой одежды? Многимъ изъ нихъ придется замерзнуть въ открытомъ полѣ, какъ замерзаетъ эта семья. Рисуя ее, художникъ показываетъ намъ одинъ изъ тысячи эпизодовъ войны, совершающихся далеко отъ поля битвы, отъ осажденной мѣстности.

Дуэтъ. У дѣдушки есть превосходная ученая птица; дѣдушка научилъ ее насвистывать различныя аріи. Слушать ее — это величайшее наслажденіе для внученка старика. Впрочемъ, трудно сказать, чѣмъ больше наслаждается малютка: тѣмъ-ли, какъ поетъ птица, или тѣмъ, какъ подсвистываетъ ей дѣдушка. Во всякомъ случаѣ, ребенокъ каждый разъ замираетъ отъ восторга, склоняетъ на бокъ голову, дѣлаетъ умильное лицо во время этихъ дуэтовъ. Вотъ содержаніе картины «Дуэтъ» и, надо отдать справедливость художнику, это содержаніе передано прелестно

Бѣжинъ лугъ и Передъ дождемъ. Двѣ картины изъ русской галереи, помѣщенныя въ нынѣшнемъ нумерѣ, принадлежатъ къ числу всѣмъ знакомыхъ сценъ. Эти мальчики, выѣхавшіе въ «ночное» и сидящіе ночью у костра, конечно, знакомы тому, кто бывалъ въ деревнѣ или кто хотя читалъ «Записки охотника» И. С. Тургенева съ ихъ чуднымъ «Бѣжнымъ лугомъ». Такъ же знакома и сценка г. Кеппена: тройка, поднятый кузовъ дорожнаго экипажа, хмурое небо, поднимающійся вихрь, ямщикъ, натягивающій армякъ и мысль о томъ, что вотъ-вотъ сейчасъ хлынетъ ливень, — все это не разъ приходилось видѣть тому, кто ѣзжалъ по Руси.

Разлука. Виллемсъ, одинъ изъ извѣстныхъ современныхъ художниковъ. Особенно удачно передаетъ онъ разнообразныя проявленія частной человѣческой жизни: разлука, свиданіе, вдова передъ портретомъ мужа, вотъ сюжеты его небольшихъ, тщательно сработанныхъ и проникнутыхъ чувствомъ картинъ. Объяснять его картины нечего, потому что ихъ содержаніе просто и ясно само-собою.

Еще яснѣе содержаніе картины Грюцнера: тысячи людей и не изъ монаховъ знаютъ эту «Утѣшительницу». О талантѣ же самаго Грюцнера мы говорили уже не разъ.

Смѣсь.

— Лаконичныя письма. Вольтеръ написалъ разъ другу своему Пирону латинское письмо слѣдующаго содержанія: «eo rus» (я отправляюсь въ деревню) и получилъ въ отвѣтъ еще болѣе лаконическое посланіе: «i» (по латыни значитъ: «иди»).

— **Стальныя перья.** Когда Джемсъ Перри, бѣдный школьный учитель въ Англіи, изобрѣлъ въ 1820 году стальное перо, кто-то пожелалъ успѣха его изобрѣтенію. «Изобрѣтеніе само по себѣ ничего не значитъ, отвѣчалъ тотъ, — вся задача — распространить его. Если я добьюсь того, что перья мои будутъ введены въ школахъ, то молодые люди никогда не научатся чинить гусиныя перья, и послѣдующее поколѣніе принуждено будетъ употреблять стальныя». Это такъ и случилось.

— **Издѣлія изъ бумаги.** Бумага получаетъ все большее и большее распространеніе; въ Америкѣ стали выдѣлывать зубы изъ бумажной массы, изъ которой прежде приготовляли искуственные кораллы. Зубы эти на выставкѣ возбуждали удивленіе всѣхъ посѣтителей; они отличаются чрезвычайной прочностью, удобствомъ и дешевизной. Тамъ же изъ нея давно уже дѣлаютъ воротнички, рукавчики и все бѣлье; производство желѣзнодорожныхъ вагоновъ и рельсовъ занимаетъ тоже видное мѣсто, но бумажныя бочки болѣе всего распространены. Вывозъ непромокаемыхъ бумажныхъ тарелокъ достигаетъ ежегодно нѣсколькихъ милліоновъ. Въ настоящее время куполъ астрологической обсерваторіи въ Трою дѣлается изъ той же бумаги. Вѣсъ купола долженъ быть 1,750 килограмъ.

— **Бумага изъ пальмы.** Американцы предполагаютъ воспользоваться пальмовыми волокнами для выдѣлки бумаги въ южныхъ штатахъ Америки; между прочимъ, во Флоридѣ имѣютъ быть открыты съ нынѣшней осени фабрики для изготовленія этой новоизобрѣтенной бумаги. Она имѣетъ то преимущество передъ остальными сортами, что необыкновенно плотна и можетъ съ успѣхомъ идти на изготовленіе банковыхъ билетовъ и другихъ подобныхъ издѣлій.

— **Холодныя зимы** (Замѣтка Н. Н. Вакуловскаго). Въ послѣднее столѣтіе нерѣдко бывали суровыя зимы. Зима 1776 года замѣчательна по холодамъ. Зима 1788 — 1789 года тоже; по Рейну возили тяжести, Сена въ Парижѣ и Темза въ Лондонѣ замерзли. Зимою 1794—1795 года въ Парижѣ было 42 морозныхъ дня. Зимою 1798—1799 года замерзъ Рейнъ, такъ что близъ Майнца его перешелъ драгунскій полкъ. Зима 1812—1813 г. извѣстна по своимъ холодамъ въ Россіи. Въ 1819 — 1820 годахъ были сильные морозы во всей Европѣ, но держались недолго. Зима 1829—1830 г. считается самою раннею и самою продолжительною въ текущемъ вѣкѣ. Въ зиму 1840—1841 года въ Парижѣ насчитали 59 морозныхъ дней. Зима 1854 — 1855 года отличалась суровостью въ южной Россіи, Даніи, Англіи и Франціи и была продолжительною. Затѣмъ холодною можетъ быть названа зима 1864—1865 года. Замѣчательною по холодамъ была зима 1870—1871 года. Экваторіальное воздушное теченіе, доходящее обыкновенно до Норвегіи, въ этомъ году достигло только до Португаліи и Испаніи; господствующимъ вѣтромъ былъ сѣверный. Извѣстно, что въ этомъ году въ Парижѣ много пострадали занимавшіе часть Франціи нѣмцы. Послѣдняя холодная зима была въ 1876 году. 10-го (22-го) декабря, въ 9 ч. утра, въ главной физической обсерваторіи термометръ опустился до 30° Реомюра. Такого сильнаго холода въ декабрѣ еще ни разу не было въ Петербургѣ втеченія 123-хъ лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ начались здѣсь наблюденія (съ 1753 года). Въ январѣ столь же сильный морозъ отмѣченъ въ 1868 г., 26 января. За все время наблюденій было только три случая еще болѣе низкой температуры, именно: 6 января 1760 году термометръ показывалъ—33° Р., въ 1772 году 12 февраля—31° Р. и въ 1814 году 4 января—31° Р. Какъ желательны были бы наблюденія зимою на отдаленномъ сѣверѣ и въ высшихъ слояхъ атмосферы. Какъ многое дали бы они для характеристики зимы, этого мало разслѣдованнаго чуднаго на нашей планеты.

— **Чашка чая.** На гуляньи, устроенномъ недавно съ благотворительною цѣлью въ Лондонѣ, одна знатная дама продавала чай въ маленькомъ кіоскѣ. Какой-то джентльменъ подходитъ къ ней и спрашиваетъ сколько стоитъ чашка чаю?

— Одинъ шилингъ, отвѣчаетъ съ любезной улыбкой продавщица.

Господинъ кладетъ на столъ шилингъ. Но прежде, чѣмъ подать ему чашку, дама подноситъ ее къ своимъ розовымъ губкамъ и объявляетъ, что теперь эта чашка стоитъ соверенъ.

Джентльменъ преспокойно вынимаетъ золотую монету и, передавая ее съ большимъ достоинствомъ дамѣ, говоритъ:

— Извольте, но я васъ прошу налить мнѣ чаю въ чистую чашку.

— **Странный расточитель.** Пребываніе экседива въ Неаполѣ привело въ этотъ городъ одного египтянина, который своими экцентричностями обращалъ на себя всеобщее вниманіе. Человѣка этого зовутъ Бей Гассанъ де-Гинани и онъ богатъ какъ Крезъ. Цѣль его пріѣзда въ Неаполь состояла въ томъ, чтобъ собственноручно поднести хедиву подарокъ, состоящій изъ 2 тысячъ дынь и 4 тысячъ ананасовъ, собранныхъ въ его садахъ. Слѣзая съ корабля, онъ передалъ свои ящики въ руки посыльщиковъ и объявилъ, что самъ долженъ отправиться назадъ за деньгами, которыя онъ забылъ захватить съ собою. Зайдя въ гостинницу, онъ занялъ у ея содержателя 1 фун. стер. подъ залогъ брильянтоваго перстня, стоимостью въ 30,000 фр., выпилъ стаканъ воды и снова сѣлъ на корабль, отправляющійся назадъ въ Александрію. Его знаютъ при дворѣ хедива и увѣряютъ, что онъ въ скоромъ времени вернется съ туго набитымъ кошелькомъ для того, чтобъ узнать отъ самаго хедива, принятъ-ли его подарокъ или нѣтъ.

— **Новый способъ мошенничества.** Двое молодыхъ людей нашли на одной изъ улицъ Нью-Іорка три закладныя росписки, изъ которыхъ двѣ были даны за часы, а третья за кольцо. Въ роспискахъ значилось, что подъ вышеозначенныя вещи выдано ссуды 46 доларовъ. Молодымъ людямъ, сдѣлавшимъ эту находку, было извѣстно, что подъ залогъ вещей даютъ всего только шестую часть ихъ стоимости, а потому они поспѣшили выкупить эти вещи, а затѣмъ приступили къ продажѣ ихъ. Но тутъ оказалось, что вещи не стоятъ и трехъ доларовъ. Попавшіе такимъ образомъ въ просакъ молодые люди никогда не рѣшились бы опубликовать мошенничества, котораго они сдѣлались жертвой, такъ какъ при слѣдствіи обнаружилась бы неблаговидность ихъ поступка, но случилось такъ, что одинъ изъ нихъ, снова найдя билетъ той же кассы, предъявилъ его полиціи. При разслѣдованіи этого дѣла оказалось, что ростовщикъ, придумавшій этотъ новый способ эксплоатировать легковѣрныхъ людей, успѣлъ нажить себѣ на этомъ мошенничествѣ 35,000 доларовъ.

— **Новый способъ подъема затопленныхъ судовъ.** Берлинскія газеты сообщаютъ о слѣдующемъ важномъ изобрѣтеніи. Члены «общества нѣмецкихъ инженеровъ» въ Килѣ присутствовали недавно при интересныхъ опытахъ подъемнаго аппрата, изобрѣтеннаго Рейтомъ. Основа этого апарата заключается въ свойствѣ углерода, доведеннаго извѣстнымъ давленіемъ до жидкаго состоянія, а затѣмъ снова превращающагося въ газъ при освобожденіи изъ замыкавшаго его сосуда. Для этого на дно гавани была погружена глыба гранита вѣсомъ въ 875 пудовъ; пловецъ нырнулъ въ воду и прикрѣпилъ къ камню небольшой желѣзный сосудъ, наполненный жидкимъ углеродомъ. На сосудѣ находятся 5 отверстій, замыкающихся кранами, которые сообщаются съ большимъ сложеннымъ шаромъ изъ парусины. Вынырнувъ изъ воды, пловецъ сообщилъ, что сосудъ прикрѣпленъ и краны отперты. Углеродъ сталъ мало-по-малу наполнять собою шаръ, который поднялся на поверхность воды, увлекая за собою, къ величайшему восторгу присутствующихъ, тяжелый камень. Такъ какъ углеродъ тяжелѣе воздуха, то выше онъ подняться не могъ, но шаръ свободно плавалъ по водѣ, влача за собою свою ношу. Благодаря этому изобрѣтенію, трудная задача извлеченія потонувшихъ кораблей со дна морского теперь разрѣшена.

— **Объ историческомъ развитіи ощущенія цвѣта** (Опроверженіе теоріи Гладстона и Магнуса д-мъ Доръ въ Ліонѣ). Канцлеръ Гладстонъ, изучая съ философской точки зрѣнія различный смыслъ выраженій, которыя мы употребляемъ для обозначенія цвѣтовъ, пришелъ къ слѣдующему заключенію: Гомеръ, чаще всѣхъ поэтовъ наблюдавшій дѣйствіе свѣта на видоизмѣненіе красокъ, оставилъ намъ не только несовершенныя, но даже неясныя описанія и наименованія цвѣтовъ, слѣдовательно Гомеръ имѣлъ неясное понятіе даже о призматическихъ цвѣтахъ, какъ, напр., о цвѣтахъ радуги, а тѣмъ болѣе о смѣшанныхъ. Г. Магнусъ, бреславскій професоръ офтальмологіи, желая объяснить эту гипотезу ученіемъ о видоизмѣненіи, издалъ недавно статью, содержаніе которой вкратцѣ слѣдующее: 1) въ исторіи развитія человѣка былъ періодъ, втеченіи котораго существовало только ощущеніе свѣта, а ощущенія цвѣтовъ не было; 2) ощущеніе цвѣтовъ проявилось вслѣдствіе развитія ощущенія свѣта, подъ вліяніемъ котораго глазная сѣтчатая оболочка постепенно раздражалась и усиливалась до такой степени, что она стала различать не только силу солнечныхъ лучей, но также и цвѣтъ ихъ. Время, потребное различнымъ цвѣтамъ для воздѣйствія на сѣтчатку въ видѣ специфическаго вліянія, находится въ обратномъ отношеніи къ той силѣ, которою сѣтчатая оболочка обладала; другими словами, чѣмъ больше было количество свѣта, тѣмъ быстрѣе онъ познавался сѣтчаткой; чѣмъ его было меньше, тѣмъ долѣе она его не воспринимала. Такимъ образомъ, по мнѣнію Магнуса, чувство зрѣнія постепенно совершенствовалось, совершенствуется и будетъ совершенствоваться. Вслѣдствіе этой гипотезы, онъ допускаетъ такое предположеніе, что черезъ болѣе или менѣе продолжительное время, человѣческій глазъ будетъ въ состояніи различать ultra фіолетовые цвѣта, въ настоящее время недоступные ему. Д-ръ Доръ опровергаетъ мнѣніе Гладстона и Магнуса филологическими и научными доводами. Оставляя въ сторонѣ тексты Ветхаго завѣта, на основаніи которыхъ можно утверждать, что употребляемыя тамъ выраженія соотвѣтствуютъ нашему обыденному опредѣленію цвѣтовъ, мы ограничимся опытами, произведенными д-мъ Доромъ надъ нѣкоторыми больными изъ его клиники. Опыты эти, а также выводы его изъ сочиненій современныхъ поэтовъ, ясно доказываютъ, что людямъ грядущихъ поколѣній будетъ весьма легко заподозрить французовъ XIX столѣтія въ недостаточномъ понятіи о цвѣтахъ. Чтобы получить понятіе о томъ, какими словами наши безграмотные современники называютъ цвѣта, г. Доръ спросилъ однажды у сорока трехъ человѣкъ, бывшихъ въ его клиникѣ, какіе цвѣта каждый изъ нихъ видитъ въ радугѣ? Четверо (изъ которыхъ двое были его асистенты) называли ему 7 цвѣтовъ, двое—5, тридцать—4, семнадцать—3, пятеро замѣтили въ радугѣ только 2 цвѣта, а двое увѣряли, что не помнятъ ни одного. Сложивъ вмѣстѣ всѣ названные цвѣта и въ томъ числѣ четыре случая указанія семи цвѣтовъ призмы, г. Доръ нашелъ, что красный цвѣтъ былъ названъ 31 разъ, желтый—24 раза, зеленый—23, голубой—11, фіолетовый—9, оранжевый и розовый 7 разъ и, наконецъ, синій—3 раза. Если принять въ соображеніе, что опытъ этотъ производился въ Ліонѣ, гдѣ всѣ работающіе на фабрикахъ изощрились въ распознаваніи цвѣтовъ, то нельзя не убѣдиться, что безграмотная часть нашего населенія не далеко ушла впередъ отъ современниковъ Аристотеля. Приводя сравненія, употребляемыя безпрестанно такими великими поэтами, какъ, напр., Мюссе, Гюго и Ламартинъ, г. Доръ доказываетъ, что послѣдующему поколѣнію они будутъ казаться такими же слѣпыми въ отношеніи цвѣтовъ, какими намъ кажутся люди временъ Гомера. Въ заключеніе онъ напоминаетъ о древнихъ египетскихъ храмахъ полихроматической (многокрасочной) архитектуры и доказываетъ этимъ, что въ самыя отдаленныя времена чувство зрѣнія и способность распознавать цвѣта было развито въ точно такой же степени, какъ и теперь.

— **Средневѣковый ресторанъ.** Чего только не выдумываютъ аферисты для привлеченія публики и увеличенія своихъ барышей! Вотъ, напримѣръ, въ Цюрихѣ открылось недавно курь-

езное заведеніе: ресторанъ, устроенный совершенно по образцу гостинницъ среднихъ вѣковъ. Она помѣщается въ подземельи. Стѣны украшены средневѣковыми надписями и живописью; вдоль стѣнъ расположены бочки съ пивомъ; на столахъ черствый хлѣбъ, трубки и табакъ для гостей. Вмѣсто спичекъ—огниво и трутъ, газъ замѣняется сальными свѣчами, вмѣсто газетъ—древнія лѣтописи XVII вѣка. Пиво пьютъ изъ глиняныхъ и жестяныхъ кружекъ. Служители одѣты въ средневѣковые костюмы. Вся обстановка средневѣковая. Приливъ публики въ этотъ ресторанъ громадный.

— Средство для уничтоженія картофельнаго жучка. Въ послѣднее время сельскимъ хозяевамъ приходится испытывать губительное дѣйствіе зловредныхъ насѣкомыхъ и изобрѣтать различные, болѣе или менѣе успѣшные, способы для ихъ истребленія. Европѣ грозитъ теперь картофельный жукъ, который на поляхъ Америки производитъ уже страшныя опустошенія. Всѣ мѣры, употреблявшіяся до сихъ поръ противъ него, оказались безсильными. Самымъ дѣйствительнымъ средствомъ считалась швейнфуртская зелень, но она и дорога и по причинѣ своей ядовитости опасна для людей. Теперь одинъ американскій химикъ въ Бостонѣ предлагаетъ вмѣсто швейнфуртской зелени употреблять для истребленія жучка карболовую известь, которая, не будучи ядовитой, столь же дѣйствительна. Кромѣ того американскіе фермеры замѣтили, что жучокъ покидаетъ и никогда не возвращается уже на тѣ картофельныя поля, между рядами котораго посѣянъ ленъ.

— Извѣстные портные. Въ «Нов. Вр.» напечатано: Вортъ по прежнему остается царемъ моды. Даже Герсонъ въ Берлинѣ сравнительно съ нимъ звѣзда второстепенной величины. Бисмаркъ завоевалъ для Германіи первое мѣсто въ политикѣ, но въ области модъ Франція продолжаетъ пользоваться пальмой первенства. Стюартъ ѣдетъ изъ Нью-Іорка въ Парижъ за покупкой готовыхъ туалетовъ къ Ворту, а не въ Берлинъ или Лондонъ, хотя и тамъ есть также свѣтила модъ. Напримѣръ, м-ръ Пуль, портной его высочества принца Уэльскаго. Про послѣдняго разсказываютъ слѣдующій анекдотъ. Однажды принцъ былъ въ сильномъ проигрышѣ. На слѣдующій день его встрѣтилъ м-ръ Пуль и, видя его мрачнымъ и озабоченнымъ, сказалъ съ особеннымъ удареніемъ: «Sir, you are in want of a new dress coat» (ваше высочество, вамъ нужно сшить себѣ новый фракъ). Черезъ день явился дѣйствительно новый фракъ, а въ карманѣ его принцъ нашелъ билеты англійскаго банка на сумму сто тысячъ фунтовъ. При этомъ ни слова, ни записочки. Вотъ каковъ лондонскій портной!.. О парижскомъ его собратѣ, Дюсотуа, портномъ императора Наполеона III, существуетъ разсказъ иного рода. У него не было безъискуственной простоты м-ра Пуля, но и мосье Дюсотуа нельзя отказать въ чувствѣ собственнаго достоинства. Однажды онъ пришелъ къ одному изъ герцоговъ имперіи, — къ которому именно не припомню,—и засталъ у него скульптора Дебюи. Герцогъ представилъ обоихъ художниковъ другъ другу въ насмѣшливой, но довольно мѣткой фразѣ: «Monsieur Dusautoy sculpteur en drap—Monsiur Debuis, tailleur en pierre» (Дюсотуа ваятель—Дебюи портной). Дебюи былъ польщенъ, Дюсотуа—обидѣлся. Былъ съ нимъ и еще случай: императоръ возвратилъ ему сшитый имъ фракъ съ нелюбезнымъ замѣчаніемъ, что такой фракъ онъ можетъ носить самъ. Дюсотуа сначала перепугался, но разсматривая фракъ ближе, увидалъ въ петлицѣ ленточку Почетнаго Легіона. Императоръ пошутилъ и въ такой оригинальной формѣ пожаловалъ его кавалеромъ Почетнаго Легіона.

— Приготовленіе сыра изъ маслянки. Для приготовленія хорошаго сыра изъ маслянки «A. Hopf. Ztg.» предлагаетъ слѣдующій способъ: какъ только въ маслобойнѣ образуются масло и отдѣлится отъ маслянки, послѣдняя немедленно сваривается на огнѣ. Посредствомъ этой операціи сыръ створаживается и отдѣляется отъ сыворотки. Давъ сперва простыть всей массѣ въ спокойномъ мѣстѣ, творогъ вынимается изъ сыворотки и складывается въ мѣшокъ для отцѣженія всей сыворотки. Послѣ того, вынувъ изъ мѣшка, творогъ тщательно просаливается съ прибавкой достаточнаго количества тмина. Для улучшенія качества сыра, послѣ просолки творога, на каждый его фунтъ примѣшивается по столовой ложкѣ рому или коньяку. Затѣмъ остается только сдѣлать небольшіе сыры любой формы, завернуть ихъ въ льняныя полотенца, предварительно смоченныя въ горячей сывороткѣ и поставить въ теплое мѣсто на 4 или 5 дней, по истеченіи которыхъ сыръ годенъ для употребленія.

— Наѣздникъ Элла Зояра. Недавно въ Бомбеѣ умерла отъ оспы извѣстная наѣздница Элла Зояра. На самомъ дѣлѣ наѣздница эта была мужчина. Омаръ Кингслей родился въ Сенъ-Луи въ 1840 году, гдѣ и по настоящее время проживаетъ его мать и сестры. Едва только маленькому Омару минуло шесть лѣтъ, какъ непреодолимое влеченіе къ наѣздничеству заставило его бѣжать изъ родительскаго дома къ одному содержателю цирка по имени Штокесу. Спенсеръ Штокесъ, изъ Филадельфіи, принялъ въ свою труппу ребенка, но при этомъ нашелъ выгоднымъ одѣвать его по женски, а впослѣдствіи, когда мальчикъ подросъ, онъ взялъ съ него обѣщаніе, что онъ будетъ скрывать свой полъ. Такимъ образомъ, Омаръ Кингслей прозывался дѣвицею Элла Зояра. Въ качествѣ изящной, граціозной и ловкой наѣздницы Элла Зояра покоряла сердца во многихъ мѣстахъ земнаго шара. Въ Москвѣ какой-то графъ предложилъ содержателю цирка громадную сумму денегъ, чтобъ познакомиться съ красавицей-наѣздницей. Во многихъ мѣстахъ Сѣверной Америки наѣздницѣ-мужчинѣ приходилось не разъ отказывать влюбленнымъ, предлагавшимъ ему руку и сердце. Впослѣдствіи Омаръ Кингслей тайно обвѣнчался съ наѣздницей Салли Штикней. Путешествуя по Калифорніи и Австраліи съ содержателемъ цирка Вильсономъ, Кингслей былъ извѣстенъ, какъ мужчина, только своимъ товарищамъ. Проѣздомъ по Индіи, по Китаю и Японіи, его всюду принимали за женщину. Въ Соединенныхъ Штатахъ онъ тоже разыгрывалъ роль женщины и только послѣ того, какъ сдѣлался пайщикомъ цирка Вильсона, оставилъ женскій костюмъ и началъ показываться публикѣ въ роли наѣздника. Для бенефисовъ онъ дѣлалъ исключеніе, являясь наѣздницей. Послѣднее время онъ былъ въ Австраліи и переѣхалъ оттуда въ Индію, гдѣ оспа прекратила его артистическую карьеру и земное странствованіе.

— Теплый уголокъ въ аду. По словамъ «Вѣнской газеты», въ горахъ проживаетъ бѣдный портной Гансъ, извѣстный по всему околотку за большого шутника и весельчака. По праздникамъ въ мѣстной гостинницѣ вечеръ не въ вечеръ, если не является туда Гансъ. Однажды, злая нужда, старая, впрочемъ, знакомая Ганса, поставила его въ безвыходное положеніе. Денегъ на товаръ не было, занять не у кого, приходилось продать единственное достояніе — теленка. Нечего дѣлать, взвалилъ Гансъ на плечи своего любимца и маршъ въ мѣстную гостинницу, хозяина которой онъ считалъ своимъ пріятелемъ; но хозяинъ оказался жестокимъ пріятелемъ; не поправился ему теленокъ—и малъ то онъ ему казался, и худъ...

Гансъ просилъ за него десять гульденовъ, Крейцъ упрямился на шести.

Нечего дѣлать, бѣдный Гансъ долженъ былъ уступить, но едва только состоялся торгъ, какъ въ гостинницу является мясникъ и, конечно, прежде всего обращаетъ вниманіе на теленка.

— Чей теленокъ?

— Мой, отвѣчалъ Гансъ.

— Не хочешь-ли получить за него двѣнадцать гульденовъ?

— Проданъ, со скрежетомъ зубовнымъ отвѣчалъ Гансъ и злоба на трактирщика затаилась въ глубинѣ его души.

Въ ближайшее воскресенье Гансъ по обыкновенію явился въ трактиръ, но за то противъ обыкновенія грустный и молчаливый.

— Что съ тобою, Гансъ? спрашиваютъ пріятели, удивленные его задумчивостью.

— Ничего, отвѣчалъ сурово Гансъ.

Но содержатель гостинницы настаиваетъ и Гансъ сознается, что причиной его тоски—дурной сонъ.

Присутствующіе окружаютъ портного и хозяинъ съ участіемъ проситъ разсказать, въ чемъ дѣло.

— Заснулъ я крѣпко, началъ Гансъ,—и вижу, будто попалъ я въ адъ и будто подходитъ ко мнѣ чортъ и приказываетъ выбирать себѣ мѣсто. Невдалекѣ стояло спокойное, мягкое кресло, я направился прямо къ нему.

— Куда! закричалъ чортъ,—это мѣсто не для тебя, это для трактирщика Крейца.

Въ толпѣ слушателей раздался оглушительный хохотъ.

Взбѣшенный Крейцъ на другой же день подалъ судьѣ жалобу на оскорбленіе со стороны Ганса.

Но судья нашелъ жалобу неосновательной и посовѣтывалъ Крейцу отказаться отъ иска.

Нашло на трактирщика раздумье. Заговорила въ немъ совѣсть и желаніе исправить сдѣланное зло. Узналъ онъ, нѣсколько мѣсяцевъ спустя, что у Ганса опять завелся теленокъ. Не говоря никому ни слова, Крейцъ отправился къ портному съ предложеніемъ.

— Дружище, скажи мнѣ, сколько хочешь ты получить за твоего теленка? Ужь мы какъ-нибудь безъ торгу сладимъ дѣло, лишь бы только не снился тебѣ такой чертовскій сонъ, какъ въ прошлый разъ.

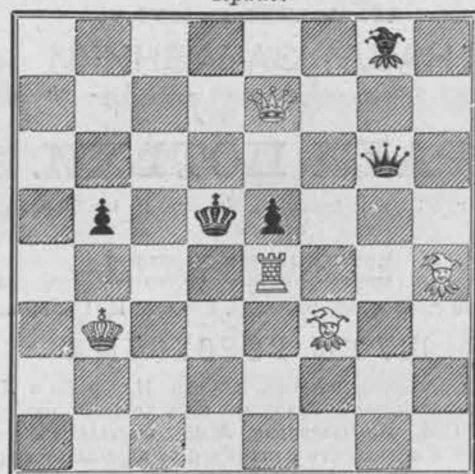
— Статистика писемъ. На земномъ шарѣ ежегодно отсылается по почтѣ 3,300 милліоновъ, слѣдовательно ежедневно $9^1/_4$ милліоновъ. На Европу приходится 2,355 милліоновъ писемъ, на Америку 750 милліоновъ, на Азію около 150 милліоновъ, на Африку же и Австралію отъ 20 до 25 милліоновъ.

Шахматный отдѣлъ.

ЗАДАЧА № 6.

Е. Шмидта (въ Германіи).

Черные.



Бѣлые.

Матъ въ 2 хода.

Рѣшеніе задачи № 3 (въ № 46)

1. Ф c1—h6 / Кр d5—c6 — 2. Ф h6—h1 ×

2. . . . / e6—e5 — 2. К c8—d7 ×

Правильное рѣшеніе прислали: *К. Сердешневъ* и *г. Голубъ.*

ОТЪ КОНТОРЫ. № 48-й «Живописнаго Обозрѣнія» сданъ на городскую почту 1-го декабря въ 6 час. 30 минутъ утра, на иногороднюю почту 2-го декабря въ 12 час. 30 мин. пополудни.

СОДЕРЖАНІЕ.

Издатель Н. И. Шульгинъ.
Редакторъ Д. А. Карчъ-Карчевскій.

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

1880 ГОДЪ. ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1880 ГОДЪ.

52 №№ **ВСЕМІРНАЯ ИЛЛЮСТРАЦІЯ** 52 №№

БОЛЬШОЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ

СЪ БЕЗПЛАТНЫМИ ПРИЛОЖЕНІЯМИ.

Годовая цѣна: **13** р. безъ доставки, **14** р. **50** к. съ доставкою и **16** р. съ пересылкою.

48 №№ **МОДНЫЙ СВѢТЪ** 48 №№

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ

ДЛЯ ДАМЪ И ДЛЯ СЕМЕЙНАГО ЧТЕНІЯ.

САМЫЙ ПОЛНЫЙ И САМЫЙ ДЕШЕВЫЙ ВЪ РОССІИ.

Съ картинами, выкройками и разными другими приложеніями.

ГОДОВАЯ ЦѢНА.

I изд. **4** р.—**5** р. **50** к. съ дост. и **6** съ перес.
II » **5** »—**6** » **50** » » » » **7** » »
III » **7** »—**8** » **50** » » » » **9** » »

52 №№ **ОГОНЕКЪ** 52 №№

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ

ЛИТЕРАТУРЫ, НАУКЪ И ИСКУСТВЪ.

СЪ 24 БЕЗПЛАТНЫМИ ПРЕМІЯМИ ВЪ ГОДЪ.

Годовая цѣна: **4** р. безъ доставки и **5** р. съ доставкою и пересылкою.

Главная контора редакцій этихъ журналовъ находится въ С.-Петербургѣ, Большая Садовая ул., д. № 16.

Отдѣленіе Конторы редакцій находится **въ Москвѣ**, на Никольской ул. домъ Славянскаго Базара (**при Центральномъ книжномъ магазинѣ**).

Лечебницы Врачебной Общины:

1) Уголъ Невскаго и Большой Морской д. Росманъ № 13—9, входъ съ Невскаго, 2-й подъѣздъ.

2) Семіоновскій переулокъ, домъ № 5.

3) Николаевская ул. близь Разъѣзжей, д. № 52.

4) Пески, уголъ 9-ой улицы и Дегтярной, домъ № 37—20.

Пріемъ приходящихъ больныхъ по всѣмъ спеціальностямъ ежедневно отъ 11 до 3 часовъ.

Общая Консультація врачей по воскресеньямъ отъ 1 до 2 часовъ.

Ночное дежурство врачей отъ 10 часовъ вечера до 6 ч. утра.

У всѣхъ книгопродавцевъ продается новая книга

Н. А. ЛЕЙКИНА,

СОВРАСЫ БЕЗЪ УЗДЫ.

1880 г. около 300 стр. убористой печати, 72 разск. Ц. 1 р. 50 к. безъ пересылки.

Тамъ же продаются слѣдующія книги

Н. А. ЛЕЙКИНА,

НАШИ ЗАБАВНИКИ

1879 г. 78 юмористическихъ разсказовъ, 30 стр. Ц. 1 р. 50 к.

РАДИ ПОТѢХИ.

1879 г. 63 юмор. разсказа, 308 стр. Ц. 1 р. 50 к. безъ пересылки.

НЕУНЫВАЮЩІЕ РОССІЯНЕ

1879 г. 40 юмор. разсказа, 318 стр. Ц. 1 р. 50 к.

ШУТЫ ГОРОХОВЫЕ

1879 г. 82 юмор. разсказ., 299 стр. Ц. 1 р. 50 к. Лица, выписывающія сразу всѣ пять книжекъ отъ автора (Спб., Николаевская, № 48), высылаютъ семь рублей и пятьдесятъ копѣекъ и за пересылку ничего не платятъ.

Открыта подписка на **1880** г.

НА ЕЖЕНЕДѢЛЬНУЮ ГАЗЕТУ

„РУССКІЙ ЕВРЕЙ“

Въ газетѣ «Русскій Еврей» принимаютъ литературное участіе, между прочимъ, слѣдующіе лица: Блюменфельдъ Ф., раввинъ евр. колоніи въ Херсони; Богровъ Г. И. въ С.-Петербургѣ; Бейлинъ И. А., раввинъ въ Пинскѣ; Воль А., учитель учительскаго института въ Вильнѣ; Д-ръ Гаркави А. въ С.-Петербургѣ; Гершфельдъ М. Г. въ Балтѣ; Гетцъ Ф. Б. въ С.-Петербургѣ; Гольденвейзеръ М. С. въ Москвѣ; Гурвичъ О., б. раввинъ въ Гроднѣ; М. Долицкій въ Бѣлостокѣ; Драбкинъ Д-ръ А. Н., раввинъ въ С.-Петербургѣ; Каценельсонъ Д-ръ Л. С. въ С.-Петербургѣ; Канторъ въ Вильнѣ; Капланъ В. въ Ригѣ; профессоръ К. А. Косовичъ въ С.-Петебургѣ; Леванда Л. О. въ Вильнѣ; Леванда В. О. въ Рыбинскѣ; Левинъ С. М. въ Пинскѣ; Р. Левенфельдъ Д-ръ въ Варшавѣ; Миноръ З., раввинъ въ Москвѣ; Минаевъ Д. Д. въ С.-Петербургѣ; д-ръ Пласковъ Л. Д. въ Симферополѣ; Пальтель П. В. въ С.-Петербургѣ; Пинето С. С. въ С.-Петербургѣ; Пумпьянскій А., раввинъ въ Ригѣ; Рабиновичъ Г. М. въ С.-Петербургѣ; Фиреръ А. О. въ Елисаветградѣ; Чуйко В. В. въ С.-Петербургѣ; Шерешевскій И. въ Вильнѣ; Швабахеръ Д-ръ, раввинъ въ Одессѣ; Штейнбергъ О. Н. инсп. учит. инст. въ Вильнѣ; Шкляревскій А. А., авторъ разсказовъ изъ уголовн. хроники въ С.-Петербургѣ.

Условія подписки.

Въ С.-Петербургѣ съ доставкой, на годъ 6 р.; на 6 мѣс. 3 р. 50 к.; на 4 мѣс. 2 р. 50 к.; на 3 мѣс. 2 р.

Въ городахъ Имперіи съ пересылкою, на годъ. 7 р.; на 6 мѣс. 4 р.; на 4 мѣс. 2 р. 75 к.; на 3 мѣс. 2 р. 25 к.,

За границею, на годъ. 12 р.; на 6 мѣс. 7 р.; на 4 мѣс. 4 р.; на 3 мѣс. 4 р.

Желающіе могутъ вносить подписную цѣну съ разсрочкою: при подпискѣ 2 р., чрезъ 3 мѣсяца 2 р., черезъ 6 мѣсяцевъ послѣ подписки 2 р. и черезъ 9 мѣсяцевъ послѣ подписки 1 р.

Духовныя лица всѣхъ вѣроисповѣданій, учителя учебныхъ заведеній, содержатели хедеровъ и учащіеся въ высш. учебн. заведеніяхъ пользуются уступкою въ 20%.

Отдѣльные нумера продаются по 20 коп.

За объявленія платится 8 коп. за строку петита въ 1 столбецъ газеты или ея мѣсто; на 1-й страницѣ вдвое. При повтореніи дѣлается уступку.

Подписка принимается въ С.-Петербургѣ, въ конторѣ редакціи по Измайловскому проспекту, д. № 7, кв. № 12 и въ отдѣленіяхъ конторы; въ Москвѣ у А. Шабата (Зарядье Знам., Подв.); въ Одессѣ у С. Трахтмана и Я. С. Итина (Ришельевская, д. Кречмера); въ Вильнѣ у А. Таубера и въ магазинѣ А. Сыркина; въ Минскѣ у Г. Д. Луріе; въ Гроднѣ у С. М. Кабачника; въ Брестъ-Литовскѣ у Л. Б. Варгафтига и С. Гефта; въ Керчи у Р. Дикера и Блюма; въ Таганрогѣ у Е. С. Рессера; въ Кременчугѣ у И. Ф. Зильберберга; въ Динабургѣ у К. Іозеса и Падежина; въ Кишиневѣ у М. И. Хазена (въ Варфоломеевск. пер., д. Талала); въ Черкассахъ у А. Гутгарца; въ Симферополѣ у М. Зильберштейна (д. Бадера); въ Мелитополѣ у В. Д. Когена; въ Маріуполѣ у М. Н. Фалькевича; въ Бѣлостокѣ у Дан. Лифшица; въ Бобруйскѣ, Слуцкѣ, Новогрудкѣ и Борисовѣ у бр. Бейлинъ; въ Нѣжинѣ и Ромнахъ у Л. Бланкмана; въ Аккерманѣ у М. Гринштейна; въ Калишѣ у Гезанга; въ Бериславѣ у С. Халецкаго; въ Харьковѣ у Шляпочникова; въ Кіевѣ у Ривена (Подолъ, д. Новицкаго) и у Петриковскаго; въ Винницѣ у П. Г. Енгельштейна; въ Маріуполѣ у Н. Овсяника; въ Борисоглѣбскѣ у С. С. Герцика; въ Елисаветградѣ у А. О. Фирера; въ Житомірѣ у Т. Г. Кириченко; въ Свѣнцянахъ у Семена Выдочинскаго; въ Николаевѣ у И. Каценелленбогена; въ Витебскѣ у С. Л. Миндельсъ; въ Умани въ книжномъ магазинѣ Л. О. Шапира; въ Могилевѣ на Дн. у Я. Сыркина; въ Бердянскѣ у Э. Дайнарда; въ Придруйскѣ у Пайкина; въ Херсонѣ у Х. Зархи; въ Пинскѣ у И. А. Бейлина.

Издатели: **Л. Берманъ** и **Г. Рабиновичъ**.

Редакторъ **Л. Берманъ**.

На 1880 годъ. Открыта подписка на

„КРИТИЧЕСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ“.

ГОДЪ ВТОРОЙ

Журналъ научной критики и библіографіи въ области наукъ историческихъ, филологическихъ, юридическихъ, экономическихъ и государственныхъ, издаваемый въ Москвѣ нижеподписавшимися при ближайшемъ участіи профессоровъ русскихъ университетовъ.

Журналъ выходитъ 2 раза въ мѣсяцъ выпусками отъ 2 до 4-хъ листовъ.

ПРОГРАМА ЖУРНАЛА: 1. Критическія оцѣнки русскихъ и иностранныхъ сочиненій и журнальныхъ статей по всеобщей и русской исторіи, исторіи всеобщей и русской литературы, языковѣдѣнію, классической и славянской филологіи, этнографіи, мифологіи, исторіи искуствъ, философіи, психологіи, гражданскому и уголовному праву, каноническому праву, общественному или полицейскому праву, международному праву, исторіи русскаго и славянскаго права, исторіи иностранныхъ законодательствъ, праву государственному, статистикѣ, политической экономіи и наукѣ о финансахъ. II. Библіографія русская и иностранная по вышеупомянутымъ наукамъ Отчеты о засѣданіяхъ въ ученыхъ обществахъ и объ университетскихъ диспутахъ. Библіографическіе слухи, замѣтки, мелочи и т. п.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

На годъ: безъ доставки 6 р., съ пересылкой 7 р., съ пересылкой за границу 8 р. На полгода: безъ дост. 4 р., съ пересылкой 4 р. 50 к., съ пересылкой за границу 5 р. Подписка принимается въ Москвѣ въ книжныхъ магазинахъ: Соловьева и Васильева (Страстной бульваръ), Ланга и Мамонтова (Кузнецкій мостъ), въ Центральномъ книжномъ магазинѣ (Никольская) и Салаева (Мясницкая) Гг. иногороднысъ подписчиковъ просятъ обращаться исключительно въ Редакцію (Покровка, Машковъ пер., д. Миллера). Агентъ для Фраціи: Ernest Leroux, éditeur, Rue Bonaparte 28. Цѣна для Франціи 20 франковъ.

Авторовъ ученыхъ сочиненій, коихъ обзоръ соотвѣтствуетъ програмѣ «Критическаго Обозрѣнія», Редакція приглашаетъ доставлять 1 экземпляръ своихъ трудовъ по слѣдующему адресу: Москва, Машковъ пер., д. Миллера.

О присылаемыхъ книгахъ помѣщается безплатное объявленіе.

Редакторы издатели: **Всев. Миллеръ** и **М. Ковалевскій**.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

НА НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ ГИГІЕНИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ

„ЗДОРОВЬЕ“

НА 1880 Г.

Издаваемый подъ редакціей профессора гигіены въ Императорской Медико-хирургической Академіи А. П. Доброславина, при ближайшемъ участіи профессоровъ гигіены въ университетахъ Казанскомъ, Кіевскомъ и Харьковскомъ—И. П. Скворцова, В. Л. Субботина и А. И. Якобія, профессора Императорскаго С.-Петербургскаго университета И. Е. Андреевскаго, докторовъ Архангельскаго, Гюбнера, Эрисмана и др.

Въ наступающемъ 7-мъ году изданія редакція журнала «Здоровье» имѣетъ въ виду слѣдовать прежней программѣ—распространять въ популярной формѣ изложенія гигіеническія истины и предлагать обществу наиболѣе цѣлесообразныя мѣры для охраненія здоровья. Какъ и прежде, всѣ стороны быта—гигіена дѣтей, воспитанія, школьной жизни, гигіена взрослыхъ въ различныхъ отрасляхъ профессій, гигіена казармъ, больницъ и др. общественныхъ учрежденій, городовъ, ихъ ассенизація, вопросы дезинфекціи, медикополицейскія мѣры для охраны доброкачественности пищи, воды, напитковъ и пр. не менѣе важные отдѣлы здравохраненія будутъ изложены въ общедоступной формѣ. Кромѣ того, журналъ постоянно заботится о сообщеніи свѣдѣній, касающихся санитарной дѣятельности земствъ и городскихъ управленій, равно какъ и о санитарныхъ новостяхъ заграничной литературы. Библіографическія указанія о всѣхъ новыхъ книгахъ по гигіенѣ тоже найдутъ въ журналѣ свое мѣсто, какъ и въ прошедшіе годы.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ:

За годъ съ пересылкой........ **5** руб.
За полгода съ пересылкой ..... **3** »

Гг. служащіе подписываются черезъ своихъ казначеевъ.

Иногородные адресуютъ деньги и требованія въ редакцію, помѣщающуюся на Выборской сторонѣ, по Нижегородской улицѣ, № 4, въ зданіи Императорской Медико-хирургической Академіи, а городскихъ подписчиковъ просятъ обращаться въ контору журнала, въ типографіи Н. А. Лебедева, Невскій пр., д. № 8.

„ВОСПИТАНІЕ И ОБУЧЕНІЕ",

бывшій

„ДѢТСКІЙ САДЪ".

Редакція будетъ продолжать свое изданіе въ 1880 г. въ направленіи, принятомъ ею съ 1876 г. Правильное практическое воспитаніе возможно лишь тогда, когда выяснена теорія. Редакція поставила себѣ задачей, въ статьяхъ о развитіи умственнаго и нравственнаго строя ребенка и о предметахъ преподаванія выяснить теорію, на которой должно быть основано воспитаніе. Обращая особенное вниманіе на разъясненіе цѣлей воспитанія, редакція даетъ рядъ замѣтокъ изъ воспитательной практики. Подъ практикой редакція понимаетъ не слѣпое подражаніе нѣмецкой педагогикѣ, пустившее такіе глубокіе корни въ нашей школѣ и педагогической литературѣ, на стройное развитіе нравственнаго чувства и умственныхъ способностей.

Въ 1879 г. были помѣщены слѣдующія статьи. Въ педагогическомъ отдѣлѣ: Идеальная сторона воспитанія. Курсъ умственнаго приступленія. Лѣнь. Воспитаніе маленькихъ дѣтей. Вѣжливость. Мать воспитательница. Поучительная хрестоматія. Необыкновенное воспитаніе. Неспособныя дѣти. Воспитаніе, какъ наука Бэна. Идея дѣтскихъ садовъ Фребеля. Элементарное преподаваніе географіи. Въ дѣтскомъ отдѣлѣ: На городскихъ окраинахъ, стихотвореніе А. Михайлова. Сказка про трехъ мужиковъ и бабу Вѣдуню М. Цебриковой. Точило, разсказъ. Буря и жажда въ пустынѣ. Роса, Марица, разсказъ. Ласточка, стихотвореніе И. Сурикова. Жизнь рабочаго люда, изъ Зола. Великаны растительнаго царства и непроходимые лѣса.

Въ отдѣлѣ критики и библіографіи были даны отзывы о вновь выходящихъ дѣтскихъ и педагогическихъ книгахъ и журналахъ.

Журналъ «Воспитаніе и Обученіе» выходитъ ежемѣсячно, съ приложеніями для дѣтскаго чтенія, въ объемѣ отъ 5—6 листовъ. Къ дѣтскому чтенію прилагаются рисунки. Въ концѣ 1880 года гг. подписчики получать премію—книгу для дѣтскаго чтенія «Историческіе разсказы». Цѣна журнала 4 р. 50 к. Съ пересылкой и доставкой 5 р. За пересылку преміи прилагается 25 к.

Подписка принимается у всѣхъ извѣстныхъ книгопродавцевъ и въ редакціи: уголъ Греческаго проспекта и 5 ул. д. 21—3 кв. 10, въ С.-Петербургѣ.

Издатель **А. Поповъ**. Редакторъ **Н. Бѣлозерская**.

Въ редакціи продаются: Дѣтскій садъ за 1876 г. Цѣна 4 р. въ переплетѣ 4 р. 40 к. Воспитаніе и Обученіе за 1877, 1878 цѣна 4 р. 50 к. Сборникъ журнала Дѣтскій Садъ. Т. I для дѣтей старшаго возраста. Ц. 1 25 к., Томъ II для дѣтей младшаго возраста съ рисунками Ц. 1. р. 20 к., Сборникъ журнала Воспитаніе и Обученіе. Т. I для старшаго возраста. Ц. 1 р. 35 к., Т. II для дѣтей младшаго возраста, съ рисунками Ц. 1 р. 30 к. изданія въ пользу высшихъ женскихъ курсовъ М. Цебриковой. Эмиль XIX вѣка А. Эскираса, 2-е Изданіе Ц. 1 р. 25 к. Депутатъ города Парижа, романъ изъ временъ второй французской имперіи. Ц. 2 р. Медицина и медики Литтре. Ц. 2 р. Новая жизнь, романъ Ауэрбаха. Ц. 2 р. 20 к. Разсказы о погибшихъ дѣтяхъ Н. Р. Выпускъ 1-й. Маменьки Ц. 60 к., выпускъ 2-й Самодуры. Ц. 50 к.

Гг. подписчики пользуются или 20% уступки съ цѣны изданія, или, уплачивая сполна цѣну, не платятъ ничего за пересылку. За пересылку 1-го фунта съ упаковкой 25 к. За слѣдующіе, смотря по почтовой таксѣ. За пересылку журнала прилагается за 3 ф. Земскія управы и учебныя заведенія, выписывающія значительное количество экземпляровъ, пользуются большей уступкой по соглашенію.

Объ изданіи въ 1880 году

ЖУРНАЛА

ГРАЖДАНСКАГО И УГОЛОВНАГО ПРАВА.

(годъ десятый.)

Цѣна за годовое изданіе:

Журналъ выходитъ шесть разъ въ годъ книжками отъ 20 до 25 листовъ.

Въ С.-Петербургѣ безъ доставки ..... **8** р. — к.
Съ доставкой въ С.-Петербургѣ ...... **8** » **50** »
Съ пересылкой въ другіе города....... **9** » — »

Подписчики, желающіе получать сверхъ того **Рѣшенія Кассаціонныхъ Департаментовъ Сената**, платятъ за журналъ и за рѣшенія:

Съ доставкой въ С.-Петербургѣ ...... **13** р. — к.
Съ пересылкой въ другіе города .... **13** » **50** »

Рѣшенія Кассаціонныхъ Департаментовъ Сената разсылаются немедленно по выходѣ отдѣльныхъ листовъ.

Лица, не состоящія въ числѣ подписчиковъ на журналъ, могутъ подписываться въ редакціи отдѣльно на кассаціонныя рѣшенія по 5 р. съ доставкою въ С.-Петербургѣ и съ пересылкою въ иные города.

Подписка принимается: въ конторѣ редакціи «Журнала Гражданскаго и Уголовнаго Права», въ книжныхъ магазинахъ Анисимова, въ С.-Петербургѣ рядомъ съ Императорской Публичной Библіотекой, а въ Москвѣ—на Никольской улицѣ.

Гг. иногородные благоволятъ обращаться съ своими требованіями исключительно въ редакцію «Журнала Гражданскаго и Уголовнаго Права», въ С.-Петербургѣ, Васильевскій островъ, 2 линія, д. № 7.

Редакторы: **В. Володиміровъ.**
Н. Деппъ.

Подписка на 1879 г. продолжается.

Изданіе придворнаго Е. И. В. книгопродавца К. К. Ретгера подъ фирмою Шмицдорфъ.

Открыта подписка на 1880 годъ

НА САМЫЙ ПОЛНЫЙ И САМЫЙ ДЕШЕВЫЙ

ДАМСКІЙ МОДНЫЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛЪ

для семейнаго чтенія

14 годъ **НОВЫЙ РУССКІЙ БАЗАРЪ** 14 годъ

«Новый Русскій Базаръ» съ 1880 г. будетъ выходить и разсылаться по прежнему, четыре раза въ мѣсяцъ, т. е. въ количествѣ 48 нумеровъ, 24 модныхъ и 24 литературныхъ, каждый въ объемѣ отъ 1 до 12 листовъ самаго большого формата (in-folio), но въ трехъ изданіяхъ, которыя различаются единственно по количеству парижскихъ модныхъ раскрашенныхъ картинъ; текстъ и остальныя приложенія для каждаго изданія останутся одинаковы. I-е изданіе будетъ имѣть 12 такихъ картинъ, II-е изд. 24 и III-е—48. Такимъ образомъ, каждый подписчикъ I-го изд. получитъ ежемѣсячно одну раскр. картинку, 1-го числа; II-го изд.—двѣ въ мѣсяцъ, т. е. 1-го и 15-го числа; и III-го изд.—четыре въ мѣсяцъ, т. е. одну съ каждымъ нумеромъ.

Съ переходомъ «Новаго Русскаго Базара» въ концѣ прошлаго года къ новому издателю, журналъ этотъ улучшился во всѣхъ отношеніяхъ: ему придана весьма красивая внѣшность, форматъ увеличенъ, внутреннее содержаніе значительно расширено; литературный отдѣлъ, разнообразный и интересный, даетъ превосходный матеріалъ для семейнаго чтенія и украшается роскошными иллюстраціями.

Ведя дѣло на тѣхъ основаніяхъ, которыхъ держится моя, существующая слишкомъ пятьдесятъ лѣтъ, фирма (Шмицдорфъ), т. е. добросовѣстно и аккуратно, я и на будущее время буду преслѣдовать ту же цѣль—стремиться всѣми силами улучшить журналъ, чтобы заслужить полное довѣріе и одобреніе публики.

«Новый Русскій Базаръ» содержитъ:

ВЪ МОДНЫХЪ НУМЕРАХЪ:

Около **3,000** рисунковъ парижскихъ модъ, нарядовъ (дамскихъ и дѣтскихъ) и рукодѣлій (гипюра, филегипюра, тамбурн го, филейнаго и простого вязанья).

Значительное количество изящныхъ узоровъ по канвѣ, атласу и кожѣ, шелками и бисеромъ.

Выкройки, рисунки и мѣтки бѣлья: для дамскаго, мужскаго и дѣтскаго.

До **800** выкроекъ въ натуральную величину на 24 большихъ листахъ (въ приложеніяхъ).

Изящно раскрашенныя парижскія модныя картинки работы извѣстнѣйшихъ французскихъ художниковъ.

24 вырѣзныя выкройки въ натуральную величину.

Текстъ, т. е. самое подробное описаніе всѣхъ работъ.

ВЪ ЛИТЕРАТУРНЫХЪ НУМЕРАХЪ:

Оригинальные и переводные романы, повѣсти и разсказы для семейнаго чтенія. — Научныя, популярно-изложенныя статьи (напр., гигиеническіе и воспитательные очерки, историческіе очерки и пр.). —Стихотворенія.—Виды замѣчательныхъ зданій и мѣстностей, съ описаніемъ ихъ.—Юмористическіе рисунки.—Біографіи замѣчательныхъ лицъ, съ портретами ихъ.—Новости изъ области литературы, искусства и музыки.—Смѣсь (новости, анекдоты, мысли, ребусы и пр.).—Фельетонъ (бѣглая хроника общественной жизни).—Описанія и рисунки новѣйшихъ модъ.—Кухня и хозяйство (разные полезные совѣты, косметика и пр.).—Почтовый ящикъ.

Въ каждомъ нумерѣ помѣщаются превосходныя и по сюжету и по выполненію иллюстраціи извѣстныхъ художниковъ.

Кромѣ того гг. подписчики получатъ втеченіи года, вмѣстѣ съ литературными №№, нѣсколько **безплатныхъ премій**: въ видѣ гравюръ, узоровъ, нотъ и пр.

Подписная цѣна всѣхъ трехъ изданій слѣдующая:

I-ое изд. съ **12** РАСКРАШЕННЫМИ ПАРИЖСКИМИ КАРТИНКАМИ.

НА ГОДЪ въ **С.-Петербургѣ:** безъ дост. 6 р. (полугод. 3 р. 50 к.), съ дост. 7 р. (полугод. 4 р.); въ **Москвѣ:** безъ дост. 7 р. (полугод. 4 р.), съ дост. 8 р. (полугод. 4 р. 50 к.); съ перес. въ другія мѣста 8 р. (полугод. 6 р.).

II-ое изд. съ **24** РАСКРАШЕННЫМИ ПАРИЖСКИМИ КАРТИНКАМИ.

НА ГОДЪ въ **С.-Петербургѣ:** безъ дост. 7 р. (полугод. 4 р.) съ дост. 8 р. (полуг. 4 р. 50 к.); въ **Москвѣ:** безъ дост. 8 р. (полугод. 4 р. 50 к.), съ дост. 9 р. (полугод. 5 р.); съ перес. въ другія мѣста 9 р. (полугод. 5 р.).

III-ье изд. съ **48** РАСКРАШЕННЫМИ ПАРИЖСКИМИ КАРТИНКАМИ.

НА ГОДЪ въ **С.-Петербургѣ:** безъ дост. 9 р. (полугод. 5 р.), съ дост. 10 р. (полугод. 5 р. 50 к.); въ **Москвѣ:** безъ дост. 10 р. (полугод. 5 р. 50 к.), съ дост. 11 р. (полугод. 6 р.); съ перес. въ другіе мѣста 11 р. (полугод. 6 р.).

ПОДПИСКА принимается: въ главной конторѣ журнала **«Новый Русскій Базаръ»** въ С.-Петербургѣ, Невскій пр., № 5, при придворномъ книжномъ магазинѣ **Шмицдорфъ (К. Ретгеръ)**; въ Москвѣ—у книгопродавцевъ, И. Г. Соловьева, на Страстномъ бульварѣ, въ д. Алексѣева, И. П. Анисимова, на Никольской ул., д. Заиконоспасскаго монастыря, А. Лангъ, на Кузнецкомъ мосту, и Б. Постъ, на Неглинной, въ д. Фирсанова.

Редакція покорнѣйше проситъ гг. подписчиковъ присылать свои требованія ЗАБЛАГОВРЕМЕННО.

Издатель: Придворный Е. И. В. Книгопродавецъ **К. К. Ретгеръ.**

ОБЪ ИЗДАНІИ

„ПРАВОСЛАВНАГО СОБЕСѢДНИКА"

въ **1880** году.

«Православный Собесѣдникъ» будетъ издаваться въ 1880 г. по прежней программѣ, въ томъ же строго-православномъ духѣ и въ томъ же ученомъ направленіи, какъ издавался доселѣ, съ 1-го января, ежемѣсячно, книжками отъ 10 до 12 печатныхъ листовъ въ каждой.

Цѣна за полное годовое изданіе «Православнаго Собесѣдника» на 1880 годъ со всѣми приложеніями къ нему остается прежняя: съ доставкою на домъ по г. Казани и съ пересылкою во всѣ мѣста Имперіи—

семь рублей серебромъ.

Подписка принимается въ Казани, въ редакціи «Православнаго Собесѣдника», при Духовной Академіи.

Извѣстія по казанской епархіи,

издаваемыя при «Православномъ Собесѣдникѣ» съ 1867 года, будутъ выходить и въ 1880 году два раза въ мѣсяцъ, нумерами по 2 печатныхъ листа въ каждомъ, убористаго шрифта.

Цѣна «Извѣстій» для мѣстъ и лицъ другихъ епархій и другихъ вѣдомствъ: а) отдѣльно отъ «Православнаго Собесѣдника» **четыре** руб., б) а для выписывающихъ и «Православный Собесѣдникъ» **три** руб. (всего за оба изданія **десять** руб.) сер.—съ пересылкою.

Подписка принимается также въ редакціи «Православнаго Собесѣдника».

Въ той же редакціи продаются слѣдующія книги:

А. «Православный Собесѣдникъ» въ полномъ составѣ книжекъ (т. е. съ приложеніями): за 1855 г. (4 книги въ году) 3 руб. за годъ, за 1858, 1859, 1860, 1861, 1862, 1864, 1865 и 1866 годы (по 12 книгъ въ каждомъ) по 4 руб. за годъ, за 1871, 1872, 1873, 1874, 1875, 1876, 1877, 1878 и 1879 годы (по 12 книгъ въ каждомъ) по 7 руб. сер. Полныхъ экземпляровъ за 1856, 1857, 1863, 1867, 1868, 1869 и 1870 гг. въ продажѣ нѣтъ. Можно получать и отдѣльныя книжки «Собесѣдника» за 1855, 1856 и 1857 гг. по 75 коп., а за остальные годы по 60 коп. за книжку.

Б. Отдѣльно отъ приложеній одинъ «Православный Собесѣдникъ»: за 1855 г. одинъ томъ, цѣна 75 коп.; за 1856 г. одинъ томъ, цѣна 75 коп.; за 1857 г. одинъ томъ, цѣна 1 рубль; за 1858, 1859, 1860, 1861, 1862, 1863, 1864, 1865, 1866, 1868, 1869, 1870, 1871 и 1872 годы, по три тома въ каждомъ, по 2 руб. сер. за годъ, за 1873, 1874, 1875 и 1876 годы, по три тома въ каждомъ, по 3 руб. сер. за годъ.

В. Отдѣльно отъ «Православнаго Собесѣдника» приложенія къ нему:

1) Посланія св. Игнатія богоносца (съ свѣдѣніями о немъ и его посланіяхъ). Одинъ томъ. 1855. Цѣна 75 коп.

2) Дѣянія вселенскихъ соборовъ въ переводѣ на русскій языкъ. Семь томовъ. 1859—1878. Цѣна за 1-й томъ 4 руб., за второй 2 руб. 50 коп., за третій 3 руб. 50 коп., за четвертый 3 руб., за пятый 3 руб., за шестой 3 руб. 50 коп., за седьмой 4 руб. 50 коп. За всѣ семь томовъ 24 руб.

3) Дѣянія девяти помѣстныхъ соборовъ въ переводѣ на русскій языкъ. Одинъ томъ. 1878. Цѣна 2 р.

4) Благовѣстникъ, или толкованіе блаженнаго Феофилакта, архіепископа болгарскаго, на св. евангелія. 1874—1875 гг. Томъ 1-й на еванг. отъ Матфея. Цѣна 1 р. 75 к. Томъ 2-й на евангеліе отъ Марка. Цѣна 1 р. 25 к. Томъ третій — на евангеліе отъ Луки. Цѣна 2 р.—Томъ четвертый—на евангеліе отъ Іоанна. Цѣна 2 р. 50 к. За всѣ четыре тома цѣна 7 р. 50 к.

5) Его же толкованіе на соборныя посланія святыхъ апостоловъ. Одинъ томъ. 1865. Цѣна 1 р.

6) Его же толкованіе на посланіе къ Римлянамъ. Одинъ томъ. 1866. Цѣна 1 р. 25 к.

7) Его же толкованіе на Дѣянія св. апостоловъ. Одинъ томъ. 1872. Цѣна 1 р. 50 к.

8) Святаго отца нашего Григорія Двоеслова. Собесѣдованія о жизни италійскихъ отцевъ и о безсмертіи души (съ предисловіемъ). Одинъ томъ. 1858. Цѣна 1 р.

9) Сказанія о мученикахъ христіанскихъ, чтимыхъ православною кафолическою церковію (съ предисловіемъ). Томъ 1-й. 1865. Цѣна 1 р. 75 к.

10) Посланія Игнатія, митрополита сибирскаго и тобольскаго (съ предварительными замѣчаніями). Одинъ томъ. 1855. Цѣна 75 к.

11) Сочиненія преподобнаго Максима грека (съ предисловіемъ). Три тома. 1859—1862. Цѣна за первый томъ (съ портретомъ преп. Максима) 2 р. 50 к., за второй 1 р. 50 к., за третій 1 р. За всѣ три тома 5 р.

12) Стоглавъ (съ предисловіемъ). Одинъ томъ. 1862 Цѣна 2 р.

13) Сочиненіе инока Зиновія: Истины показаніе къ вопросившимъ о новомъ ученіи (съ предисловіемъ). Одинъ томъ. 1863—1864. Цѣна 2 р. 50 к.

14) Остенъ. Памятникъ русской духовной письменности XVII вѣка (съ предисловіемъ и съ портретомъ патріарха всероссійскаго Іоакима). Одинъ томъ. 1865. Цѣна 75 к.

15) Сборникъ древностей казанской епархіи и другихъ приснопамятныхъ обстоятельствъ, архимандрита Платона Любарскаго. Одинъ томъ. 1868. Цѣна 1 р. 25 к.

16) Житіе преподобнаго нашего Трифона, вятскаго чудотворца. Памятникъ русской духовной письменности XVII вѣка. Одинъ томъ. 1868. Цѣна 50 к.

17) Житіе преосвященнаго Иларіона, митрополита суздальскаго, бывшаго Флорищевой пустыни перваго строителя. Памятникъ начала XVIII вѣка. Одинъ томъ. 1868. Цѣна 50 к.

18) Устройство управленія въ церкви королевства греческаго. Ф. Курганова 1872. Ц. 2 р. 25 к.

19) Западныя миссіи противъ татаръ-язычниковъ и особенно противъ татаръ-мусульманъ. Н. Красносельцева. 1872. Ц. 1 р. 25 к.

20) Ересь антринитаріевъ III вѣка. Д. Гусева. 1872, Ц. р. 25 к.

21) Древнее языческое ученіе о странствованіяхъ и переселеніяхъ душъ и слѣды его въ первые вѣка христіанства. Изслѣдованіе П. Милославскаго. Ц. 2 р.

22) Ученіе о лицѣ Господа Христа въ трехъ первыхъ вѣкахъ христіанства. Изслѣдованіе В. Снегирева. Цѣна 2 р.

23) Книга о антихристѣ и о прочихъ дѣйствахъ, иже при немъ быти хотящихъ. 1873. Цѣна 1 р. 25 к.

24) Стародубье. Записки протоіерея Т. А. Верховскаго. Высочайше командированнаго 1845—48 гг. въ черниговскіе раскольническіе посады для водворенія единовѣрія. Цѣна 2 р.

25) Толковая Палея. В. Успенскаго. Цѣна 75 к.

26) Указатель статей, помѣщенныхъ въ «Православномъ Собесѣдникѣ» съ 1855 по 1876 г. Ц. 30 к.

27) Портретъ патріарха всероссійскаго Іоакима. Цѣна 20 к.

28) Письма о магометанствѣ А. Н. Муравьева. Изд. 2-е 1875 г. Цѣна 50 к.

29) Списокъ съ писцовыхъ книгъ по г. Казани съ уѣздомъ. 1877. Цѣна 40 к.

30) Азбуковники или алфавиты иностранныхъ рѣчей по спискамъ соловецкой библіотеки. Соч. А. Карпова. Казань. 1878. Цѣна 1 р. 50 к.

При казанской дух. академіи съ 1873 г. издается отдѣльными выпусками «Миссіонерскій противомусульманскій сборникъ». Издано пятнадцать выпусковъ, въ которыхъ помѣщены слѣдующія сочиненія: 1) Свѣденія о миссіонерскомъ отдѣленіи при казанской духовной академіи; 2) Методъ миссіонерской полемики противъ татаръ-мухаммеданъ; 3) Причины упорной привязанности татаръ-мухаммеданъ къ своей вѣрѣ; 4) Опытъ изложенія мухаммеданства по ученію ханифитовъ; 5) Доказательства неповрежденности книгъ священнаго Писанія ветхаго и новаго завѣта противъ мухаммеданъ; 6) Доказательства неповрежденности священныхъ книгъ противъ мухаммеданъ; 7) Критическій разборъ мухаммеданскаго ученія о пророкахъ; 8) Очеркъ распространенія христіанства между иновѣрцами казанскаго края; 9) Главныя мысли и духъ Корана; 10) Историко-критическое введеніе въ Коранъ; 11) Мысли алькорана, заимствованныя изъ христіанства; 12) Мѣста Корана благопріятныя для обращенія мухаммеданъ въ христіанство; 13) Что Мухаммедъ заимствовалъ изъ христіанства; 14) Исторія іудейства въ Аравіи и вліяніе его на ученіе Корана; 15) Что заимствовалъ Мухаммедъ изъ іудейства; 16) Признаки истинности православнаго христіанства и лживости мухаммеданства; 17) Мухаммеданскій бракъ въ сравненіи съ христіанскимъ бракомъ, въ отношеніи ихъ вліянія на семейную и общественную жизнь человѣка; 18) Историческое значеніе Мухаммеда; 19) Взглядъ на способы, коими по сказанію мухаммеданъ сообщались свыше Мухаммеду откровенія; 20) Ночное путешествіе Мухаммеда въ храмъ іерусалимскій и на небо; 21) Обозрѣніе мусульманскихъ молитвъ; 22) Мусульманская евхологія; 23) О мухаммеданской молитвѣ; 24) Мухаммеданское ученіе о войнѣ съ невѣрными; 25) Міровоззрѣніе мухаммеданства и отношеніе его къ христіанству; 27) Религіозное и политическое значеніе хаджа или священнаго путешествія мухаммеданъ въ Мекку.

Цѣна съ пересылкою за всѣ выпуски, кромѣ распроданнаго V, 19 р. Съ требованіями обращаться къ священнику Богоявленской церкви г. Казани **Е. А. Малову.**

Отъ издателей можно выписывать книги:

1) «Слова» къ смоленской паствѣ преосвященнаго Антонія, бывшаго епископа смоленскаго. Цѣна 1 р. 50 к. сер.

2) «Церковная исторія», соч. Гассе, переводъ съ нѣмецкаго, подъ редакціею профессора каз. дух. академіи Н. Соколова. Первый томъ. Цѣна: безъ пересылки 1 р., съ пересылкою 1 р. 20 к., для воспитанниковъ духовно-учебныхъ заведеній и съ пересылкою 1 р. сер. Второй томъ. Цѣна такая же.

3) «Исторія русской словесности». Составилъ И. Порфирьевъ. Часть I. Древній періодъ. Изд. 3-е. Цѣна 2 р. 30 к. съ перес.

4) «Твореніе блаженнаго Августина «De Civitate Dei», какъ апологія христіанства въ его борьбѣ съ римскимъ язычествомъ. Сочиненіе М. Красина. Казань. 1873. Цѣна 2 р.

5) «Первый опытъ крещено-татарскаго словаря». Н. Остроумова. Казань. 1876. Цѣна 1 р.

6) «Руководство къ русской церковной исторіи». П. Знаменскаго. Второе дополненное изданіе. Цѣна 1 р. 50 к. На пересылку 25 к.

7) «Очерки по церковной географіи и этнографіи». Сост. С. Терновскій. Цѣна 30 к.

8) «Сборникъ бесѣдъ со старообрядцами». Изд. подъ редакціей э.-орд. проф. Н. Ивановскаго. Цѣна 1 р. 25 к.

9) «Антитринитаріи XVI в.». Выпускъ 1-й. Соч. Е. Будрина. Казань. 1878. Цѣна 3 р.

10) «Характеристика римскаго католичества съ точки зрѣнія папскаго догмата. Н. Я Бѣляева. Казань. 1878 Цѣна 30 к.

11) «Типы современной философской мысли въ Германіи». П. Милославскаго. 1878. Цѣна 2 р 25 к,

Дозволено цензурою. С-Петербургъ, 7 Декабря 1879 года. **Типографія Императорской Академіи Паукъ. (Вас. Остр., 9 лин., д. 12.)**